

СЛАДКИЕ ГРЕЗЫ

АНДРЕЙ ДЬЯКОНОВ

Андрей Дьяконов

Сладкие грезы

«Автор»
2026

Дьяконов А.

Сладкие грезы / А. Дьяконов — «Автор», 2026

Шестидесятые годы XXI века. Генрих Шефер, главный инженер корпорации «Сладкие грезы», стоит на пороге величайшего открытия – доказательства существования души. Но основатель корпорации уже готов запустить новый утопичный проект, навсегда стерев саму суть людской природы.Чтобы остановить его, Шеферу нужен абсолютный аргумент. Он ищет его в разуме Сергея Ветрова – человека, который выжигает себя виной за ошибки прошлого.А в это время мир бывшего военного Кости Половинкина все сильнее сужается до больничной палаты, где угасает его любимая девушка. Спасти ее может лишь технология «Сладких грез», и ради доступа к ней он готов развязать войну.Конец истории человечества еще никогда не был так близок. Но никто не знает, что может скрываться за дверью человеческой души.

© Дьяконов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Снежная дверь 5
1 5
2 7
3 8
4 10
5 13
6 16
7 23
8 25
9 27
10 28
11 31
12 32
13 36
14 39
15 40
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Андрей Дьяконов
Сладкие грезы

«Добро пожаловать в "Сладкие грезы".

Мы сделаем ваши воспоминания снова реальными и позволим заново пережить самые счастливые, волнительные и радостные моменты».

Часть I. Снежная дверь

1

«Совершенно очевидно, что рай на Земле существует. Открыты его врата или нет — всего лишь вопрос баланса банковской карты», — рассуждал Серега Ветров на верхнем этаже роскошной гостиницы на модном курорте в одной арабской стране. Тогда же он и решил, что только такая жизнь может его устроить.

В жизни Сереги Ветрова или Ветра, как его звали в ранней молодости, всегда было много скорости. И речь не про автомобили — у Сереги на тот момент даже не было машины. Разговор идет о скорости, с которой текла его жизнь. Он давно заметил, что темп жизни у каждого человека сильно различается. Исходя из этого, людей он делил на три категории.

К первой относятся те, кто живет медленно. У них есть одно искреннее желание — чтобы все оставили их в покое. Эти люди могут казаться полными раздолбаями, которые ни к чему не стремятся, ни к кому не привязаны и ничего не хотят. Если они работают, то ровно столько, сколько просят и ни капли сверху. Они могут быть и неплохими специалистами, отлично знающими свое узкое дело, но совершенно не способными кого-то удивить, привнести что-то новое.

Любая перемена всегда воспринимается как акт агрессии по отношению к ним. Скорость их жизни так низка, что зачастую становится просто невыносима. Тогда в дело вступает алкоголь, который дает им ощущение занятости и позволяет хотя бы создавать иллюзию ускорения. Да, среди этих людей особенно много пьяниц, но это скучные алкоголики, которые пьют, чтобы пить. С этой категорией людей Серега когда-то в юности много общался, но они почти не отложились в его памяти.

Другая категория людей живет на средних скоростях. Эти люди стараются придерживаться устоявшихся в обществе правил, и их жизнь идет как по шаблону. Главное правило — быть «как все». Они заканчивают школу и институт с хорошими оценками, устраиваются на неплохую работу со средней для своего окружения зарплатой, стремятся реализовать себя в выбранной профессии, что в итоге у них и получается, но по карьерной лестнице они идут довольно медленно. Средняя скорость жизни тоже часто наскучивает им, и тогда такие люди компенсируют недостаток активности, пребывая в своих мечтах, постоянно живя будущим днем. Однако грезы и реальность для них — полярно противоположные вещи и превратить первое во второе они даже не пытаются. Среди этой категории людей распространены как латентные психопаты, так и патологически скучные индивиды, но больше среди них всё-таки добропорядочных налогоплательщиков и семьянинов. А еще эти люди всегда выводили Серегу из себя своей предсказуемостью и ограниченностью. Впрочем, на самом деле он боялся, что однажды станет одним из них.

Себя же Серега относил к третьей категории людей — к тем, кто живет на больших скоростях, которые предполагают отсутствие каких-либо рамок и ограничений и, зачастую, морали.

Мораль по мнению Сергея была лишь сводом правил, которые написаны, чтобы удерживать скотское по своей природе население — проще говоря, быдло — от полного вырождения. Главным отличием третьей категории людей от всех прочих была свобода. Для Сереги она выражалась в свободе выбора, которая, в свою очередь, упиралась в возможности человека. Эта категория людей для него была отдельной кастой — аристократией XXI века. Высокая скорость жизни человека означала, что перед ним нет никаких препятствий, ничего не мешает, перед ним открыты все дороги и двери, в том числе — двери рая на Земле.

— Знаешь, всё-таки люди чертовски похожи на машины. Есть слабенькие малолитражки, задача которых кое-как доехать и не улететь с дороги от сильного ветра. Есть машины, которые могут ехать быстрее и комфортнее, но многого от них ждать не приходится. А есть суперкары. Они мощные, быстрые и неудержимые. Их мало, они уникальны, на них хотят равняться, но никто не может их догнать. Так и с людьми. — С этими словами Сергей, задумчиво глядя вдаль, сделал глоток из граненого стакана, в котором кубики льда мягко таяли в терпком виски.

Из окна гостиничного номера открывался шикарный вид на вечерний мегаполис. Солнце клонилось к закату, и небеса словно полыхали у горизонта. Футуристически смотрелась утопающая в огнях башня Бурдж Халифа, пронзавшая облака на недосягаемой высоте. Казалось, что все остальные небоскребы замерли в трепетном уважении перед этим величественным строением. Город кипел жизнью, светился, играл красками.

— С каких пор тебя пробивает на философию? — Юля продолжала лежать на смятой кровати, закутавшись в шелковое золотистое одеяло, которое очень гармонировало с ее нежно-каштановыми волосами и мягким загаром.

Серега стоял спиной к ней. Сделав еще один глоток виски, он ответил:

— Это не философия — просто мысли вслух. Днем ты говорила об этом месте как о рае на Земле, и мне подумалось в тему.

Он поставил стакан на стеклянный столик с резными ножками из красного дерева, размял шею и направился в сторону ванной.

После свадьбы они недолго спорили о том, на что потратить подаренные гостями деньги. Рассудительная Юля предложила отложить на ипотеку, более взбалмошный Серега сразу предложил всё потратить на отдых.

— Один раз ведь живем, — заметил он.

Он сам выбрал отель — один из лучших в Дубае — забронировал номер, купил билеты и вообще весь отдых ни в чем себе не отказывал. Ему почему-то казалось, что жизнь может завершиться в любой момент и глупо откладывать жизнь на потом. Это очень контрастировало с позицией Юли, утверждающей, что всё-таки в жизни нужно иметь некий план и подушку безопасности, однако спорить с Серегой было бесполезно. Да и она-то не особенно сопротивлялась — почему бы не побывать на роскошном курорте и не засыпать соцсети фотографиями?

Поэтому это были их лучшие совместные воспоминания, которые раз за разом переживал Серега в своих сладких грезах.

2

Серега внимательно огляделся, и вдруг его взгляд упал на дверь, которой еще мгновение назад в комнате не было. Из щели над полом лился приятный белый свет, а изнутри веяло ощутимым холодом.

Он поставил стакан с виски на стол и взял Юлю за руку.

— Предлагаю тебе прогуляться.

— Куда?

— Нам пора в одно место… Давно пора. Вдруг захотелось освежиться.

Он помог Юле подняться и подвел к таинственной двери.

— Мы не замерзнем? — с тревогой спросила Юля, обнимая себя за плечи.

— Не волнуйся, — сказал Сергей.

Они вошли в проем, и их лица моментально обжег морозный ветер. Серега еще подумал, что виски следовало всё-таки взять с собой.

За дверью начиналась широкая тропинка, окаймленная высокими, где-то по пояс, сугробами, которая вела вниз по склону горы к ели заметной в ночи деревушке. Аккуратные домики в горном стиле, крытые темно-графитовой черепицей, манили к себе — внутри звучала музыка, громкий смех, грохот хлопушек, визг детей, песни и радостные возгласы. Серега с Юлей не сразу заметили, что каким-то образом на них оказались надеты красные куртки с воротниками из белого соболиного меха. Они взялись за руки и пошли по дорожке вперед, когда вдруг всё пропало…

«ОБРЫВ СОЕДИНЕНИЯ!»
«ВНИМАНИЕ!»
«ОБРЫВ СОЕДИНЕНИЯ!»
«КЛИЕНТ Б13Р678КП!»

3

Этот монотонный электронный голос был второй нелюбимой вещью Сергея Леонидовича в последние месяцы. Номер один в списке нелюбимых — небольшой красный маячок, мигающий прямо в глаза. Из приятного сонного забытия, где он был вместе со своей Юлей, Сергей вновь оказался в полутемной комнате с мириадом светящихся проводков, которые, словно паутина, опутывали его голову. Куда они вели, Сергей Леонидович видеть не мог, даже находясь в капсуле.

— Почему? — слабо спросил он пустоту.

Рядом вдруг оказались два андроида в серебристых комбинезонах с золотистыми табличками на груди, на которых было написано «Вика» и «Алиса». Сергей Леонидович каждый раз удивлялся, до чего же они похожи на людей. Первая, Вика, была ему особенно хорошо знакома — она всегда первой оказывалась рядом, когда с капсулой Сергея Леонидовича возникали какие-то проблемы. Ему нравилось ее немного наивное веснушчатое лицо и угольно-черные волосы, собранные сзади в хвост. Вторую женщину-андроида, Алису, Сергей Леонидович видел нечасто, но каждый раз восхищался ее золотистыми волнами, спускавшимися на плечи, и аккуратной родинкой на щеке. Андроиды и вправду были очень похожи на людей, даже дефекты кожи у каждого были свои, но была одна деталь, которая всех выдавала — глаза. Было в них что-то по-настоящему ненатуральное, даже пугающее, бездушное, словно смотришь в пропасть и ощущаешь, как из этой пропасти что-то смотрит на тебя в ответ.

— Просим вас не волноваться и не шевелиться, наблюдаются всего лишь небольшие технические неполадки, мы уже работаем над их устранением, — прощебетала Вика.

— Почему всегда на этом месте? — прошептал старик. Он лежал в своей капсуле, и помимо огромного количества сенсоров, подключенных к голове, его руки и шея были так же испещрены проводами и катетерами, которые расходились в разные стороны.

Его капсула была одной из сотен в этом помещении, которое больше напоминало самолетный ангар, да и называлось соответственно — эллинг[1]. Капсулы из белого пластика мягко подсвечивались зеленым светом, слегка разгоняя кромешную темноту эллинга. Полноценное освещение здесь почти никому не требовалось — все люди, находящиеся в капсулах, крепко спали и переживали свои воспоминания, точнее сказать, свои сладкие грезы, а андроиды, обслуживающие капсулы, прекрасно видели в темноте. Даже подсветка капсул носила теперь больше эстетический характер, хотя на первых порах она служила индикатором их работы и состояния клиентов, позволяла людям оперативно ориентироваться в пространстве и находить капсулы, которые дали какой-либо сбой. После массового внедрения андроидов и не менее массового сокращения человеческого персонала из корпорации, всё это стало пережитком прошлого.

Капсула Сергея Леонидовича озарялась синим сиянием, хотя сам он этого не видел. Андроиды были синхронизированы со всей системой и получали сигнал о сбое почти моментально.

— Я спрашиваю, — собравшись с силами, хрипло сказал старик, — почему всегда именно на этом месте?

— Техническая ошибка, мы уже знаем о ней и работаем над ее устранением, — невозмутимо ответила андроид Вика, проводя какие-то манипуляции на сенсорном экране в изголовье капсулы Сергея Леонидовича.

---

[1] Эллинг — (от нидерландского *helling — склон, скат, уклон*) — крытое сооружение, предназначенное для постройки, ремонта, а также хранения кораблей и летательных аппаратов.

— Я слышу об этом каждый раз, — слабо продолжил старик, — и каждый раз вы мне говорите, что над чем-то там работаете… Это… очень мучительно. Я так долго… Верните меня… — Мысли Ветрова стали путаться. Так всегда происходило после резкого выброса из грез или, если по-научному, обрыва соединения.

— Конечно, Сергей Леонидович, — сказала андроид Алиса. — Всё готово к новому погружению. Мы уже передали команду в центр управления. Скоро вы вернетесь в свои грезы.

Подключение к грезам называлось погружением, а отключение — пробуждением. «Было бы логично или первое назвать засыпанием, или второе — всплытием. Где тут логика?» — задался вопросом Сергей Леонидович, когда вдруг почувствовал, как его тело накрывает приятное тепло и слабость. Его уставшие синюшные веки плотно закрылись, и он вновь погрузился в долгий сон. Точнее, как это принято здесь говорить, — в свои грезы.

4

Серегу разбудил дерзкий луч света, который пробивался сквозь слабо задернутые шторы. Он был дома, в своей постели. С трудом открыв один глаз, Серега сначала недовольно посмотрел на шторы, потом на лежащую рядом Юлю. Она сладко спала, скомкав и обняв одеяло, как всегда любила делать.

Серега же, сообразив, что больше не уснет, встал, сунул ноги в тапки и засеменил на кухню. Включил чайник, телевизор и уткнулся в телефон.

«Согласно календарю майя, в этом году грядет конец света…» — доносилось из телевизора.

— Поскорее бы, — буркнул Серега.

Минувшей ночью он оставил телефон на кухне и теперь разбирал непрочитанные сообщения и звонки. В основном это была рекламная рассылка, которую он удалял, не открывая, но одно сообщение его привлекло — приглашение на открытие нового в городе ночного клуба «Нирвана». Клубная жизнь давно нравилась Сереге, хотя выходила в копейку и напрягала более «домашнюю» Юлю. Она всегда пропускала тусовки Сереги и его компании, что самого Серегу более чем устраивало, так как давало ему больше вожделенной свободы.

Однажды из одного из таких московских клубов Юля и вытаскивала пьяного Серегу, которого она застала в объятиях сексуальной полураздетой красотки в приват-комнате.

Дома был скандал. Юля не в первый раз чувствовала на нем запах чужих женских духов, замечала следы помады на одежде, но со всей своей женской мудростью старалась не обращать внимание на столь очевидные доказательства неверности супруга. Обручальное кольцо Серега не носил с самой свадьбы, ссылаясь на то, что оно ему стало мало.

Но та ночь, когда он, совершенно забыв про годовщину их свадьбы, под каким-то совершенно нелепым предлогом «друг с севера вернулся», уехал в очередной клуб, стала для Юли последней каплей. Она решила посмотреть на этого «друга с севера», который на деле оказался фигуристой блондинкой со «сделанным» лицом, грудью и задницей — типичной обитательницей таких заведений, где всегда можно развести какого-нибудь не менее типичного «Серегу» на бесплатные коктейли, еду или просто на деньги.

Иллюзия удавшейся жизни для обоих.

Итак, дома был скандал, битье посуды, взаимные оскорбления, потом приезд полиции, которую вызвали соседи, услышавшие крики и плач, оформление протокола.

Они разъехались на два дня — Серега в тот же день собрал вещи и уехал в гостиницу на окраину города, получив в спину от Юли пожелание катиться на «все четыре».

Потом было примирение. Мирились они, как всегда, — страстно, долго, искренне.

Было это две недели назад. Теперь Серега стоял на кухне в свой выходной день в одних трусах и смотрел на СМС из клуба «Нирвана», в котором именно сегодня должно было состояться открытие: планировались разные полузабытые селебрити, красивые девушки, напитки различной степени крепости и наверняка вещества разной степени запрещенности. Подумав пару минут и почесав небритый подбородок, Серега удалил сообщение и начал варить себе кофе.

* * *

С главного монитора центра управления грезами, располагавшегося здесь же, в эллинге, за всем происходящим следил высокий, статный мужчина средних лет в серебристом пиджаке с золотистой нашивкой на груди, которая возвещала: «Г. Я. Шефер». Само это помещение, прозванное центром управления грезами или сокращенно просто «ЦУГом», напоминало

кабину управления космическим кораблем. Многочисленные мониторы на стенах транслировали показатели с капсул «Сладких грез», данные о состоянии каждого клиента, включая кардиограмму, показатели дыхания, уровень кислорода в крови и многое другое. Главный монитор назывался главным только потому, что был самым большим и располагался по центру, прямо над выпуклым, каплеобразным пультом управления, сделанным из стекла и пластика, на котором одним взмахом руки сменялись различные командные меню.

Мониторы располагались выше и ниже панорамных окон, прозванных в свое время «аквариумом», из которых открывался хороший вид на эллинг с более чем тремястами капсулами клиентов «Сладких грез». Главный инженер корпорации — он же Генрих Яковлевич Шефер — мог в любой момент вывести грезу любого клиента на экран в центре управления, но делал это крайне редко, считая неэтичным, — всё равно что подглядывать за кем-то в замочную скважину. Грезы Ветрова были исключением, так как он явно выбивался из общего ряда.

— Зачем он это смотрит? — задумчиво спросил Шефер.

Генрих Яковлевич был одним из сооснователей корпорации и вторым по влиянию человеком в ней, но, наверное, самым авторитетным в технических вопросах. На это влияла не только его должность, которую он сам себе и выбрал, но и сама степень погруженности в технологию «Сладких грез» и понимание работы сознания и подсознания человека. Будучи истинным фанатом своего дела, он почти всё время проводил на работе и оттого имел болезненно бледный цвет кожи, посаженное зрение, которое компенсировал старомодными, но дорогими очками в пластиковой черной оправе и кучу иных профессиональных болезней, включая какую-то специфическую форму паранойи, вызванную, в том числе, обилием андроидов вокруг.

Ирония заключалась в том, что примерно десять лет назад именно Генрих Яковлевич продавил идею о том, что для обслуживания эллингов корпорации целесообразнее внедрить андроидов, разработанных в одной из дочерних компаний. Андроиды не болели, не спали, не брали отпуск, не уходили в декрет, не требовали повышения зарплаты, не опаздывали и не уходили с работы раньше, — они профессионально и оперативно выполняли любые возложенные на них задачи.

Согласно новой концепции корпорации, именно роботы должны были взять на себя практически всё обслуживание многочисленных эллингов по всему свету. За людьми остались лишь стратегические вопросы, разработка и совершенствование технологии, контроль за процессами. Практически все эллинги стали автономными.

Генрих Яковлевич, как главный инженер, сохранил за собой штаб-квартиру в эллинге номер один — самом первом, построенным корпорацией, который располагался в Московской области вблизи Каширы. Этот эллинг был еще и неофициальной мастерской Шефера, в которой он собирал бесценный материал о природе сознания и, что особенно важно, — подсознания людей, пытаясь проникнуть в глубины человеческой души, хотя само слово «душа» всегда вызывало у него кривую ухмылку.

— Если смотрит, значит, для него это всё имеет какую-то ценность, — ответил помощника Шефера Егор — молодой пузатый парень в квадратных очках с деревянной оправой, невероятно талантливый программист и фанат корпорации, почти никогда не расстающийся со своим планшетом, на который он научился выводить всю необходимую для работы информацию из центра управления грезами. Работал он всего первый год, но проявлял недюжинную сноровку, за что был ценим со стороны главного инженера, хотя последний, в силу своего нордического воспитания, редко проявлял эмоции. На нем был такой же по стилю рабочий пиджак, джинсы и неизменные шлепанцы.

— А почему бы тебе самому не посмотреть его капсулу? — спросил Генрих Яковлевич. — Там уже третий или четвертый сбой в этом месяце.

— Я смотрел, — ответил Егор. — Обычная перегрузка. Какой-то программный сбой, который я как раз сейчас и пытаюсь решить. Именно на том зимнем воспоминании…

— Грезе, — поправил Генрих Яковлевич.

— Да, да… конечно, грезе, — замялся Егор. — Так вот, именно на этой грезе система испытывает грандиозные перегрузки и просто отрубается. Капсула тут абсолютно ни при чем. Я ищу ошибку. Возможно — это только моя личная версия, — этот эпизод… греза, имеет особо сильную эмоциональную ценность для клиента. Я вот думаю, а можем ли мы ее как-то посмотреть?

— Нет, — отрезал Шефер. — Мы можем видеть и записывать только то, что видит он.

— Жаль, это многое бы объяснило.

— Я в курсе. Пока в нашей практике ничего такого не происходило, — Генрих Яковлевич почесал свой острый подбородок. — Обычно клиенты выбирают грезы другого характера: рождение ребенка, его первые шаги, своя или чья-то свадьба, лучший день рождения, получение диплома, встречу с родителями, покорение Эвереста, путешествие, детство, молодость… то есть радостные события или периоды, чтобы пережить их вновь. Этот же клиент прыгает из одной грезы в другую как-то спонтанно. Радостных среди них немного, в основном трагичные, так зачем он их переживает? Такое ощущение, словно он…

— …что-то ищет, — закончил за начальника Егор.

— Продолжим наблюдать, это интересный кейс, — сухо сказал Генрих Яковлевич и прокашлялся. Он не любил, когда его перебивают. — Собери мне отчет на основе информации с сенсоров о том, что происходит в момент появления этой двери и до момента обрыва соединения. Любые аномалии плюс отдельно всю картину синаптической пластичности. У меня есть одна теория, хочу проверить.

Главный инженер развернулся на каблуках и направился в комнату отдыха, чтобы сделать себе чай и пару бутербродов. Точнее, попросить дежурного по кухне андроида их сделать.

— Понял, — вздохнул Егор и продолжил работу на планшете.

5

Удалив сообщение, Серега вдруг почувствовал облегчение. Ни в какие клубы он не собирался. Во всяком случае, пока надо было сделать паузу. Не то чтобы его мучила совесть — себя он успокаивал тем, что необходимо заняться семьей. Признаться себе самому, что просто находится на мели, он не мог.

Серега заварил себе крепкий кофе, сделал большой глоток и поморщился. Оглядевшись, он с огорчением отметил, что в квартире ремонт за последние месяцы почти не продвинулся. Кухня была сделана наспех из полок, купленных на распродаже в одном из магазинов модульной мебели. Делалась она «на первое время», но это первое время длилось уже почти год. Раковина из нержавейки вся потемнела, исцарапалась и явно не была похожа на ту, которую они хотели изначально — темную, шикарную, из искусственного камня. Но Сереге тогда было жалко отдавать за нее почти тридцать тысяч рублей.

«Вот закажем новую кухню, тогда и раковину купим», — успокаивал он Юлю.

Он вспомнил про неблагоустроенную входную зону — коридор, где обои были поклеены только с одной стороны; другая же стена так и осталась в бетоне. Впрочем, это даже добавляло некий модный штрих. Самый дешевый унитаз в туалете, купленный на сайте объявлений, копеечная сантехника в ванной, которая вечно текла. О том, что стены в туалете и ванной также не были отделаны, как того хотела Юля, — в модную плитку под мрамор, — и говорить не стоило.

Денег хватило, чтобы полноценно обставить только гостиную, куда супруги купили двуспальную кровать, два кресла, две прикроватные тумбочки, маленький журнальный столик, шкаф, телевизор и еще много всего по мелочи. Обои и мебель выбирала Юля: приятные пастельные тона.

На остальной ремонт денег не хватало, хотя оба неплохо зарабатывали. Серега предпочитал свои доходы спускать на тусовки, элитную выпивку, дорогой парфюм, такси бизнес-класса, смартфон последней модели (который, правда, пришлось взять в кредит), модную одежду и прочую шелуху, которая внешне создавала ему образ успешного человека. Естественно, соцсети только подкрепляли этот миф о его статусности. Серегу это вполне устраивало.

А вот Юлю угнетал такой уклад жизни, но она беззаветно любила мужа и многое ему прощала. Себя она успокаивала тем, что это временно и Серегу она сможет изменить. Поэтому утром, после вчерашнего страстного вечера, она сладко спала, завернувшись полностью в одеяло, как гусеница, и ни о чем не тревожилась. Впервые за долгие-долгие дни.

«Теперь всё у нас будет хорошо», — подумала она вчера перед сном. Серега обещал бросить клубную жизнь, со временем, может, даже бросить пить и заняться уже домом и женой. Это была сладкая ложь, и в глубине души Юля это знала, но подсознательно решила не думать об этом. Именно сейчас всё было хорошо, и она решительно отгоняла любые плохие мысли, стараясь насладиться каждой секундой этого нового «хорошо».

В новую квартиру Серега и Юля въехали всего полтора года назад. После непродолжительного периода жизни на съемных квартирах они наконец подкопили денег, кое-что заняли, добавили то, что осталось со свадьбы и взяли в ипотеку симпатичную и просторную однокомнатную квартиру в новостройке на окраине города — с раздельным санузлом и черновой отделкой.

Своя квартира пьянила свободой. Можно было делать что угодно, сверлить любые стены, вешать любые картины (чего так хотелось Юле), завести наконец кота или собаку (а может и того, и другого). Юля парила по новой квартире, махая руками словно крыльями, и рассказывала Сереге, какие где она видит обои, где и какие будут полки, куда она хочет поставить комод, какого цвета будет плитка в ванной.

Конечно, конские платежи по ипотеке плюс разгульный образ жизни Сереги не позволили всем этим планам сбыться до конца. Даже кота или собаку они так и не завели, ведь Юля понимала, что следить за ними предстоит только ей.

«Надо доделать ремонт», — решительно подумал Серега и сделал большой глоток уже остывающего кофе. Потом он вспомнил баланс своей карточки и приуныл.

Денег у них не было.

— И зачем я столько спустил в этом месяце… — сказал вслух Сергей. Потом он прикинул, сколько потратил денег с начала года, и совсем приуныл.

Открылась дверь гостиной, и на пороге показалась сонная Юля.

— Давно проснулся? — спросила она, продирая глаза.

— Что-то ремонт у нас затянулся, — сказал Серега и сделал глоток из чашки.

— Это мягко говоря, — кивнула Юля и завела за ухо упавший на лицо локон.

— Ничего, доделаем, — уверенно сказал Серега. — Я вот думаю подзаработать деньжат и всё сделать.

— Где подзаработать? — удивилась Юля. — Мы оба работаем, нам бы расходы сократить на всё лишнее. На тусовки, например.

— Тусовки отбой, — сказал Серега, хотя сам в это не очень верил. — Вообще, при чем тут они? — возмутился он. — Мне что теперь, дома сидеть и «Роллтон» жрать из-за этой ипотеки? Я же сказал, что заработаю. Под лежачий камень вода не течет. Если всё будет хорошо, то и я, и ты с работы сможем уйти. Не знаю, как тебе, а мне сидеть в офисе и протирать штаны, пытаясь угодить этому боссу — маменькиному сынку, — уже осточертело.

— Уйти с работы? — удивилась Юля. — А ипотеку мы как тянуть будем?

— Вчера Борода темку предложил, — бросил как бы невзначай Серега.

Борода. Очередной дружок Сереги, который вечно был «на темках». Всегда хорошо одет, с дорогими часами и, хоть и на подержанном, но всё-таки «Гелендвагене». Серега очень хотел походить на Бороду, но явно не дотягивал. Ему бы узнать, на чем так поднялся Борода, но тот был непреклонен. И лишь на днях он предложил Сереге работу. Юля, естественно, ничего не знала, да и лучше ей было пока не знать.

Сама Юля Бороду видела всего пару раз, и он ей сразу не понравился. Высокомерный, с вечно полуприкрытыми глазами, словно в полудреме, с идеально контурированной и крашеной в зеленый цвет бородой — за что он и получил такое прозвище, — выглядел отталкивающе, пугающе и даже как-то мерзко.

— Что за «темка»? — спросила Юля.

— Потом как-нибудь объясню, — отмахнулся Серега.

— Что хоть делать надо будет? — не унималась девушка.

— Ерунда. Надо будет помочь кое-что доставлять в страну. Тебе, может, тоже кофе сделать или яичницу? — Серега пытался сменить тему.

— Это законно?

— Всё стерильно, — улыбнулся Ветров и показал пальцами «ок». Он переключил канал на телевизоре и наткнулся на музыкальный канал. «The scars of your love remind me of us. They keep me thinkin' that we almost had it all»[2], — пела Adele.

Юля вздохнула и пошла одеваться.

— Я сбегаю в магазин неподалеку. Тебе что-то нужно?

Серега покачал головой. Юля ушла, а он сел на стул посередине кухни и стал ждать.

— Готов поспорить, что именно с этого момента у них всё покатится к черту, — сказал Егор, качаясь на стуле.

---

[2] Шрамы твоей любви напоминают мне о нас. Они заставляют меня думать, что у нас было почти все — слова песни Adele «Rolling in the Deep».

Генрих Яковлевич внимательно смотрел на монитор, где ранее Серега заваривал кофе, стараясь всячески увильнуть от расспросов жены о новой подработке.

— Какой это год? — спросил Генрих Яковлевич.

Егор сверился с показаниями системы.

— Апрель 2012 года. Если быть точнее, то пятое число, — ответил он.

— Там есть эта снежная дверь? — спросил Генрих Яковлевич.

— Пока не наблюдаю, — ответил Егор. — Клиент шарит по воспоминаниям, чтобы понять, в какие моменты она появляется, но здесь ее нет. Полагаю, что эмоциональный фон не тот. Дверь появляется в сильных переживаниях…

— Грезах, — холодно поправил Генрих Яковлевич.

— Грезах, — смутился Егор. — Короче, что-то тут его привлекло, но дверь это не вызвало.

— Что ты там говорил про эмоциональный фон?

— Я проводил небольшой анализ. Дверь появляется только в очень эмоциональных грезах. Конкретно это — не то. Или он не считает эту грезу какой-либо излишне значимой и эмоциональной.

— Но тут есть что-то, что его привлекло. То есть это важный эпизод в их жизни, не просто так он решил пережить эту грезу. Возможно, это какой-то переломный момент, — сказал задумчиво Генрих Яковлевич. — Странно, что он перемотал сцену в клубе двухнедельной давности и примирение, мы увидели лишь фрагменты. А ведь это наверняка очень значимые для него эпизоды, имеющие сильный, как ты сказал, эмоциональный фон.

— Может, он догадывается, что мы тоже смотрим? — задумался Егор. — Или опасается, что смотрим не только мы.

Генрих Яковлевич отвернулся от экрана и сверкнул глазами на Егора.

— Ты обнаружил причину перегрузок системы, когда клиент открывает снежную дверь? — сурово спросил он.

— Нет.

— Так займись делом, а не рассуждай о всякой чепухе.

— Да, шеф, — привычно вздохнул Егор и уткнулся в планшет.

А старик тем временем уже парил среди своих грез и искал что-то новое. Наконец он нашел и начал проживать новую грезу, которая хронометрически произошла через два года после предыдущей.

6

— Через два часа надо быть в «Гравитации», — сказал Серега Юле на ходу, — так что собирайся.

Юля ненавидела «Гравитацию» — так назывался клуб на окраине Москвы в том районе, где заканчивался столичный лоск и начинало веять безысходностью. Таких мест в столице становилось всё меньше, но казалось, сам по себе клуб «Гравитация» был катализатором такой атмосферы вокруг, так как был известным далеко за пределами Москвы и ближнего Подмосковья местом притяжения гопоты, наркоманов, разного рода маргиналов. Полное отсутствие фейс-контроля, демократичные цены на алкоголь, потрепанные, зато дешевые проститутки за барной стойкой, формальное видеонаблюдение, мрак, сигаретный и кальянный смрад внутри и орущая поп-музыка десятилетней давности — это место было кошмаром для жителей близлежащих панелек и маяком для деградантов.

Юля постаралась отказаться, но муж был непреклонен — дело это давно стало общим, и ждали их там вместе.

Небольшая подработка от Бороды в итоге привела к тому, что Серега встал на его место в международном наркокартеле, и всё благодаря своей проницательности, хитрости и изворотливости, а также связям на таможне в лице бывшего одноклассника Григория. Григорий, конечно, тоже был в схеме и в доле, но это не так важно. Серега давно продумал логистику так, что мог бы обходиться и без него, да и большая часть товара в страну проходила мимо него, но отчего-то Серега решил Григория пока из схемы не убирать. Запасной план должен быть всегда.

«Гравитация» находилась в здании старой фабрики в начале обширного пустыря. Неподалеку здесь стояли старые «хрущевки», окруженные брошенными и давно сгнившими жигулями. Когда-то жилой рабочий микрорайон тихо умирал, в то время как прямо в этом месте процветало новое дело — «Гравитация», точнее то, чему оно был лишь фасадом.

Серега и Юля подъехали к шумному зданию из рыжего кирпича на старой разбитой «Приоре», которая доживала свои последние годы в одном из самых дешевых и неизвестных таксопарков города. Нельзя было привлекать внимание, а этот автомобиль очень гармонично смотрелся на улицах старого района. Хотя местные жители прекрасно знали, что у них происходит под самым носом и не выпускали детей на улицу после наступления темноты.

Была уже глубокая ночь, и только тусклая надпись «Гравитация» с двумя перегоревшими буквами — «в» и «ц» — да пара придорожных фонарей освещали улицу. У клуба как обычно тусовались горластые компании, догоняющиеся принесенным с собой алкоголем перед тем, как зайти внутрь.

Юля вышла из авто первая и ждала Сергея, испуганно посматривая на расхаживающих неуверенной походкой тут и там, ржущих, воняющих перегаром, сигаретами, потом и дешевым одеколоном мужиков и малолетних гопников вокруг. Расплатившись, Ветров покинул такси и, совершенно не обращая внимания на жену, словно забыв про нее, быстрым и уверенным шагом направился ко входу в «Гравитацию».

На нем были потертые черные джинсы, легкая светло-голубая рубашка в клетку и темно-синяя кожаная куртка. Юля была в джинсовых шортах и белой футболке-платье.

Охрана клуба хорошо их знала и пропустила внутрь без всяких вопросов. Супруги миновали танцпол, прошли за барную стойку и нырнули за грязно-черный занавес, отделявший главный зал от короткого коридора, заканчивавшегося стальной дверью. Здесь вопрос безопасности и видеонаблюдения решался на другом уровне — камеры были понатыканы буквально повсюду, и с потолка снимали каждого подходящего к двери со всех сторон одновременно. Охраны не было, но Серега знал, что в этот момент его и девушку внимательно изучают. Серега

поднял правую руку, соединив большой палец с мизинцем и оттопырив остальные в условном знаке. «Как же это глупо и киношно», — подумала Юля.

— Не люблю это место, — шепнула она вслух.

Серега поднял руку выше, чтобы она была лучше видна в камеру над дверью. Прошло несколько секунд, прежде чем внутри началось какое-то движение. Несмотря на орущую с танцпола музыку, отчетливо было слышно, как крутятся шестеренки, приводя в движение скрытый сложный механизм. Спустя секунд пять дверь наконец открылась, при этом она чуть приподнялась вверх и углубилась внутрь. Ветров толкнул ее рукой, и она распахнулась сильнее. За дверью была длинная кирпичная лестница, круто уходившая вниз и тускло освещаемая старыми пыльными лампочками, которые болтались вдоль стены на проводах.

Серега вошел внутрь. Юля, чуть поколебавшись, пошла вслед за ним. Стоило им переступить порог, как дверь тихо и плотно затворилась.

— Это место нагоняет на меня дикую жуть, — еще раз попыталась обратить на себя внимание Юля.

Серега продолжал молчать, погрузившись в свои мысли. Он смотрел под ноги, стараясь не показывать свое волнение. Однако с каждым шагом дышать становилось всё тяжелее, а сердце предательски ускоряло частоту биения. Он чувствовал, как потеют ладони, а к горлу подступает ком.

Лестница заканчивалась такой же дверью без каких-либо опознавательных знаков. Словно коричневый лист железа, припаянный к кирпичной стене. Но это была иллюзия. Маленький огонек камеры наблюдения, встроенной в угол под потолком, внимательно встречал посетителей.

Серега подошел ближе к камере, снял очки и уставился прямо на нее. Где-то сверху что-то довольно громко щелкнуло, словно затвор фотоаппарата.

— Теперь ты, — обратился он к Юле.

Девушка нерешительно подошла ближе к камере, также сняла очки и дождалась щелчка.

— Кто-то пересмотрел шпионских фильмов? — съязвила Юля.

— Тихо ты! Тут всё пишут, — шикнул на нее Серега.

После этого часть боковой стены слева от Юли, так же, как и входная дверь, подалась чуть вверх и вперед. Серега толкнул её, и проход, взявшийся будто из ниоткуда, открылся полностью.

Перейдя порог, спутники оказались в маленькой комнате перед еще одной дверью, из-за которой приглушенно звучала музыка, но уже не клубная, а более спокойная и ритмичная. До чуткого обоняния Юли донесся запах табака.

Их встретили двое вооруженных охранников в спортивных костюмах. На их плечах болтались автоматы «АКС74У». Парня и девушку обыскали, но больше формально, похлопав по плечам, туловищу и ногам. Наконец один из охраны подошел к двери, приложил электронный ключ и жестом пригласил войти.

Спутники оказались в просторном зале овальной формы. По всему периметру помещения висели огромные ТВ-панели, на большей части которых выводились изображения с внешних камер наблюдения — отсюда можно было видеть всё пространство вокруг «Гравитации». Была трансляция и из коридора с камеры, которая фотографирует вошедших. Лишь один телевизор транслировал спортивную передачу. В центре зала стоял полукруглый диван с прилегающим к нему огромным стеклянным столиком, на котором стояли бутылки с виски и коньяком, бокалы и стаканы, а также тарелки с фруктами.

На огромном диване, держа дистанцию друг от друга, сидели трое представительных мужчин в похожих дорогих костюмах, с одинаковыми прическами, проницательными глазами и орлиными носами, словно они были выпущены на конвейере модной фабрики или вылупились в одном гламурном инкубаторе. Серега знал, что эти люди — братья, они вместе держат

наркокартель и обычно присматривают за своими уездами в разных районах СНГ, а собираются только по исключительному случаю. Судя по всему, «Гравитация» была у них чем-то вроде штаб-квартиры. «Интересно, сколько же таких клубов они держат?» — подумал Ветров.

Звать их следовало по старшинству — Старший, Средний и Младший. Звание определялось исключительно возрастом, а не статусом в организации — это Сереге пояснили еще при первой встрече, на так называемой «смотрине». Внешне казалось, что они равнозначны по статусу, но Серега давно заметил, что Старший всё-таки был лидером.

Появление посетителей, казалось, совсем не отвлекло их от просмотра спортивной передачи. Серега и Юля замешкались у входа.

— Садитесь, — спокойно сказал сидевший по центру Старший, который своей прической неудачно пытался скрыть появляющуюся залысину.

Супруги присели на ближайший к ним угол дивана.

— Угощайтесь, — бросил Средний, сидевший ближе к ним, при этом он легким движением руки, словно погладив воздух, указал на стол.

— Нет, спасибо, — ответил Серега, — давайте перейдем к делу…

— Угощайтесь! — строго повторил Средний.

Серега налил виски в два стакана: один взял сам, а второй передал Юле. Ветров сделал глоток, посматривая на хозяев зала; девушка пить не стала и лишь нерешительно крутила в руках стакан. Молчание начинало угнетать, лишь трансляция биатлона по телевизору разрезала тишину. Серега догадывался, что происходит — он заставил господ ожидать, и теперь настал его черед ждать, пока они удостоят его своим вниманием.

Случилось это после окончания трансляции, которая длилась минут пятнадцать после того, как супруги вошли в зал. Всё это время Серега потел и отгонял от себя навязчивые мысли. Юля не знала, куда деть ноги, ловя на себе плотоядные взгляды Старшего.

Первым заговорил, как обычно, Младший. Серега давно заметил, что тот всегда начинал разговоры о делах первым из всей троицы. Серега также догадывался, что он самый младший из них не только по возрасту, но и по рангу, так как, начиная разговор, он вскоре замолкал, когда беседа перетекала в русло принятия решений, — здесь в основном говорили Старший и Средний.

— Нас несколько озадачили проблемы с грузом. Вы обещали, что вопросов не будет на таможне, — спокойно произнес Младший.

— Да, я знаю. Как и говорил, критических проблем нет. Есть некоторые трудности с документацией, не более. Изменились условия ввоза в Россию удобрений из Средней Азии. Нужно поправить документы, — стараясь говорить уверенно, ответил Серега. К своему огорчению, он всё-таки заметил, как его голос пару раз дрогнул. — Это решается, я уже позвонил…

— Вы должны были внимательнее следить за изменениями правовых аспектов работы таможни. Изменения, о которых вы говорите, возникли не в один момент, — перебил его Младший.

— Я уже позвонил куда надо, — продолжил Серега. — Своему человеку. Скоро вопрос решится. Документы мы уже почти переделали. Товар теперь официально из Индии, для них есть льготы. До конца недели партия пересечет границу.

— Мы бы не вызвали вас просто так, — в разговор вступил Средний. — Вы забываете, с чем мы работаем и что стоит на кону. У нас есть заказчики, которые платят нам за надежность. Есть производитель, который ждет от нас ответственности. Вы в этой системе стоите посередине. Но вы не посредник. Вы — наш гарант работы всей схемы. Если схема перестает быть надежной, мы меняем гаранта. Понимаете свою роль?

— Я понимаю, — Серега нервно сглотнул. Он не хотел даже думать о том, что с ним будет, если он подведет этих господ и тех, кто работает с ними, или под ними, или над ними, — этого он не знал. В конце концов, Борода исчез так стремительно и бесследно, словно его

в этом мире и не было никогда. Никаких обращений в полицию, попыток поиска или чего-то подобного. Был человек — и нет человека, вот что могли сделать эти господа. Но Серега был уверен — он их не подведет.

— Товар поступит в реализацию уже во вторник. Даю слово, — сказал Серега.

— Он дал слово! — сказал Средний и загоготал. За ним засмеялись и остальные из троицы.

Серега хотел было еще что-то добавить, но по атмосфере разговора понял, что может этим всё только усугубить. В глубине души он и так понимал, что крупно облажался, а опыт говорил ему, что если лажаешь перед своими господами, то меньше всего надо оправдываться или спорить. По-настоящему его напрягало то, что Старший в этот раз не сказал ни слова о данном инциденте.

На улицу их выпустили спустя минут десять, после обсуждения отдельных вопросов о логистике новых поставок. Снаружи заметно похолодало. Юля тут же поежилась и произнесла:

— Давай заканчивать всё это.

Ветрову на свежем воздухе стало легче. Сам себе он честно признался, что рассчитывал на гораздо более тяжелый разговор. «Ничего, все ошибаются, и я тоже. Придумаю что-нибудь, я всегда что-нибудь придумываю», — крутилось у него в голове. Серега огляделся. Ночь, полупустынная улица — завсегдатаи «Гравитации» уже зашли внутрь или же валялись где-то в канавах.

— Не говори ерунды. Всё хорошо прошло. Поехали лучше оттянемся, тебе надо успокоиться, — сказал он Юле.

Дождавшись такси, спутники сели в машину и помчались по темным улицам в сторону столицы, навстречу огненному зареву — туда, где кипела ночная жизнь.

— Я должна тебе кое-что сказать, — вдруг нерешительно пробормотала Юля.

— Так говори.

— Ты сейчас всё равно мысленно не со мной. Просто пойми, что с этим пора заканчивать… — Юля отвернулась к окну. — Завтра поговорим, — вдруг отрезала она.

— Хорошо, — серьезно сказал Серега.

«Легко ей рассуждать, давай, мол, закончим. В этот бизнес сложно попасть и почти невозможно из него выйти. Во всяком случае живым. Наивная. Пусть дальше сидит и обижается, мне плевать. Если решила развестись, так и карты ей в руки», — крутилось у Ветрова в голове до того самого момента, когда они подъехали к модному ночному клубу. Но буквально после пары шотов виски все гнетущие мысли его покинули, и он смог наконец расслабиться и забыться.

Проснулся Серега ближе к обеду.

К тому моменту они уже жили в новом двухуровневом пентхаусе в клубном доме элитного района столицы. Естественно, с шикарным ремонтом. А та несчастная однушка так и осталась где-то на окраине города — забытая и недоделанная.

Юли уже в постели не было.

«Значит, всё-таки развод», — почему-то подумал Серега, но тут же услышал шкворчание яичницы из кухни.

— Не ушла, — сказал он вслух и вздохнул. — Значит, мама приезжает.

Тяжело поднявшись с кровати, Серега провел пятерней по волосам и побрел в сторону лестницы, чтобы спуститься на первый уровень пентхауса, где и находилась кухня. Запах яичницы разносился по их новой и, к слову, далеко не маленькой квартире.

«Опять вытяжку не включила», — догадался Серега.

Похмелье было не то чтобы сильным, но по ощущениям он мог бы сейчас выпить хоть весь Байкал.

— Я забыла, как включать тут вытяжку, — сказала Юля, ещё даже не повернув головы в сторону Сереги, но уже услышав его шаги. Потом она посмотрела на него и добавила: — А еще я беременна. Уже седьмая неделя.

Юля присела на край кухонного островка, поигрывая деревянной лопаткой, которой она взбивала яичницу — она ненавидела глазунью.

— Ты будешь кофе? — спросила она так, словно ничего не произошло.

Серега же стоял ошарашенный.

— Что ты сказала? — наконец выдавил он из себя.

— Что уже на седьмой неделе беременности — полагаю, это тебя заинтересовало, хотя и не было последним, что я сказала, — спокойно ответила Юля и вернулась к плите, чтобы еще немного помешать яичницу деревянной лопаткой, внимательно следя за тем, чтобы ничего не пригорело.

Серега уже хотел броситься к жене, обнять ее и закружить в танце — как он и сделал тогда, в реальности, а не в грезах, в которых пребывал сейчас, — но в этот момент по его спине пробежал холодок.

Он обернулся и увидел дверь. Из-за нее пробивался слабый белый свет, а сквозь щели нет-нет да и пролетали маленькие снежинки, принося в комнату мороз, от которого по коже шли мурашки. Серега словно проснулся, оставаясь во сне. Мешкать было нельзя.

— Потом мы яичницу поедим, я хочу тебе кое-что показать, — выпалил Серега и решительно потащил жену к двери.

— Всё же сгорит! — Юля вырвалась из рук Сереги и вернулась, чтобы выключить плиту.

Серега снова схватил ее за руку.

— Это всё неважно! Мы ее всё равно не съели в тот раз, — сказал он. — Нам нужно туда.

— Откуда тут дверь? — удивилась Юля, но времени на размышления не было.

Уже через секунду они переступили порог и оказались на узенькой тропинке, немного подсвеченной далекими огнями. Сыпал слабый снег, и мороз кусал за щеки. Одетые в одинаковые красные куртки, они направлялись в ту сторону, откуда играла музыка, доносился смех и крики радости — на центральную площадь, где вовсю шли какие-то гуляния. Супруги держались за руки, согретые пушистыми меховыми рукавицами.

— Я так счастлива, — засияла Юля, — наверное, это самый счаст…

«ОБРЫВ СОЕДИНЕНИЯ!»
«ВНИМАНИЕ!»
«ОБРЫВ СОЕДИНЕНИЯ!»
«КЛИЕНТ Б13Р678КП!»

Проклятый красный маячок.

Сергей Леонидович вдруг изогнулся от невыносимой боли в пояснице. Что-то внутри него сгорало, и каждое такое отключение от грез давалось всё сложнее.

Андроиды Вика и Алиса появились в ту же секунду.

— Даже не думайте волноваться. Уже скоро мы вернем вас в ваши грезы, — почти синхронно сказали они.

— Мне больно… — еле прошептал старик. — Время… Его почти не осталось.

— Мы уже работаем над решением проблемы. Даже не думайте волноваться, — снова синхронно сказали андроиды, увлеченные настройкой капсулы Сергея Леонидовича.

Где-то наверху грязно выругался главный инженер Шефер, а техник Егор чуть не разбил планшет, желая мощно приложить его об стену.

— Твою ж мать! — плевался Генрих Яковлевич. — Ведь почти! Они почти дошли.

— Я не понимаю, что происходит. — Егор сидел, бессильно сложа руки.

— Где выгрузка показателей, о которой я просил? — спросил Генрих Яковлевич.

— Всё готово и подгружено в ваш личный кабинет.

— Так а что же ты молчал?! — раздраженно бросил главный инженер, подошел к пульту управления и вывел данные на монитор.

— Ни у кого и никогда мы такого не видели, — начал он рассуждать спустя несколько минут. — Словно какая-то заблокированная глубоко в подсознании греза, которую никак не увидеть, словно сам мозг ее защищает. Однако сам старик туда стремится сильнее всего, переживая в грезах и хорошее, и плохое, выбирая эмоциональные или какие-то судьбоносные моменты, чтобы появилась дверь. Но стоит ее открыть и войти туда, как всё заканчивается. Минуту… А это что? Видишь? — он показал пальцем на монитор.

Егор, будучи гениальным айтишником, почти не разбирался в показателях системы, касающихся внутримозговой активности и нейросенсорной пластичности, поэтому неуверенно повел плечами.

— Вот здесь проблема, — Шефер увеличил на экране заинтересовавшие его данные, представленные в виде синусоиды с кучей цифровых данных и аббревиатур. — Видишь?

— Вижу, — сказал Егор.

— В момент, когда Ветров переступает порог двери, вдруг снижается активность неокортекса и префронтальной коры[3], зато возрастает активность зон коры больших полушарий, отвечающих за сенсорику, — пояснил Шефер.

— Понятно.

— То есть, находясь в грезах, Ветров не то чтобы вспоминает снежную дверь — он ее словно создает, как и то, что находится за ней. Это удивительный парадокс. Кажется, мы наткнулись на реально существующее ложное воспоминание, — Генрих Яковлевич не скрывал своего восхищения, вызванного новой научной загадкой.

Его рассуждения прервал электронный голос, который раздался сверху:

— Генрих Яковлевич, основатель просит вас обратить внимание на мобильный телефон, так как он не может до вас дозвониться.

— А, черт, — выругался Шефер, — а где мой телефон? — он постучал себя по карманам пиджака. — Неужели в комнате отдыха опять забыл…

Он резко вышел из ЦУГа, чертыхаясь по дороге. Егор подошел к монитору и вгляделся в незнакомые ему синусоиды, цифры и термины.

— Ложное воспоминание, — пробормотал он задумчиво. — А это как?

Шефер вернулся через несколько минут и бросил с порога:

— Я улетаю. Основатель просит приехать, обсудить что-то крайне важное по его словам. Постараюсь не задерживаться. А ты пока продолжай наблюдения и фиксируй всё, что происходит. Ты даже не представляешь, какого масштаба это открытие, если, конечно, моя теория подтвердится.

Открылись двери-купе в дальнем углу ЦУГа, и в проеме показался андроид Стефан.

— Генрих Яковлевич, всё готово, — сказал он. — Я приглашаю вас пройти со мной. Машина ожидает у ворот номер два.

— А самолет?

— Подготовлен к вылету, разрешение получено. Вылет через два часа из Домодедово.

Шефер кивнул и направился к выходу.

— А как это — ложные воспоминания? — спросил Егор. — Люди же могут видеть только свои воспоминания, то есть то, что было на самом деле.

---

[3] Неокортекс — основное место долговременного хранения в мозге стабилизированных воспоминаний. Префронтальная кора же отвечает за рабочую память — способность удерживать информацию в уме при выполнении текущих задач — и помогает извлекать релевантную информацию из долговременной памяти для решения текущих проблем. В рамках технологии «Сладких грез» эти области мозга считаются ключевыми для погружения клиентов в воспоминания.

— Это пока только теория. Что-то, что вроде как и было, и не было одновременно. Должно было быть, почти состоялось, но… Короче. Твое дело наблюдение, а выводы оставь мне, — бросил Шефер на ходу.

— Генрих Яковлевич, мы рискуем пропустить окно вылета. Я приглашаю вас пройти со мной, — повторил Стефан.

— Да иду я! Вам не мешало бы голосовые карты расширить, а то как попугаи, ей-богу, — сказал Генрих Яковлевич и решительно пошел за андроидом.

Двери-купе бесшумно закрылись, и Егор остался в полном одиночестве.

— И было, и не было… — задумчиво повторил он слова Шефера. — Чушь какая-то.

Он посмотрел вниз и увидел, как старик, свернувшись калачиком и закрыв глаза, лежал в своей капсуле и страдал от болей. Это было видно по его мученическому выражению лица и периодическим легким судорогам по всему телу.

Андроиды Вика и Алиса почти закончили настройку его капсулы. Скоро он снова должен был погрузиться в свои грезы.

«Дожил бы хоть», — подумал Егор и тяжело вздохнул.

7

Фраза «Основатель приглашает вас» всегда значила для Генриха Яковлевича тринадцать часов полета на «Суперджете» в одну сторону и столько же обратно с дозаправкой на каком-то острове в Карибском море, названия которого главный инженер даже не знал.

Основатель корпорации, Дмитрий Павлович Савельев, уже больше пятнадцати лет жил уединенно на маленьком острове, входящем в такой же небольшой архипелаг в Тихом океане, состоящем из нескольких похожих островов вулканического происхождения. Сам Основатель жил на центральном острове, который, как и весь остальной архипелаг, был выкуплен корпорацией «Сладкие грезы» у французского правительства в собственность за несколько миллиардов евро. На соседних клочках суши жила многочисленная прислуга Основателя — существовал даже участок земли, отведенный под кухню и жилье поваров (Основатель с годами стал очень привередлив в еде, поэтому поваров собирали буквально со всего мира). В его владении был также остров для прогулок по горам, остров-аэропорт, гостевой остров и так далее.

Остров Основателя, как и его жилище в виде внешне скромного бунгало, частично стоящего на сваях в воде, убиралось андроидами по строгому графику и только в отсутствие самого Основателя, например, когда он медитировал у водопада на соседнем острове (да, существовал и отдельный остров для медитации) или отправлялся на прогулку на парусной лодке. Так или иначе, происходило это ежедневно, как и смена постельного белья и полотенец.

На архипелаге была еще и своя ферма по выращиванию омаров, правда, Основатель уже больше десяти лет назад объявил себя веганом, так что омары разводились скорее для эстетики. На островах под официальным запретом был алкоголь, табак и любого рода психотропные вещества — Основатель публично отвергал всё это. По правде говоря, алкоголь на островах был — его поставляли контрабандой пилоты, которые должны были минимум раз в неделю летать на большую землю, чтобы пополнять запасы. Естественно, всё это было большим секретом, и любой подчиненный Основателя употреблял алкоголь только вечерами, под одеялом и при выключенном свете, и то в умеренном количестве — на свой страх и риск. Работы здесь лишиться не хотел никто, так как платили до сумасшедшего много.

Основатель давно стал неким мифологическим существом для всех сотрудников, кроме Генриха Яковлевича — по сути единственного человека во всей корпорации, который регулярно и доверительно с ним общался. Многие обыватели, даже оставшиеся сотрудники «Сладких грез» и вовсе думали, что Основатель — это миф, хотя тот и активно вел социальные сети, где делился своими размышлениями во время медитаций с обязательным приложением постановочного фото — в основном в позе лотоса с обнаженным, идеально загорелым и накачанным торсом.

Основатель настолько преисполнился знанием и светом, что давно отказался от своего имени, данного ему при рождении. Уже много лет его называли исключительно Основателем. Даже родители, оставшиеся в далекой Москве и продолжавшие жить в скромной хрущевке в одном из спальных районов, — люди абсолютно непубличные и категорически отказавшиеся жить на одном из островов вместе с сыном. Основатель всё же беспокоился о них, поэтому дом был под незаметной, но надежной охраной, и даже фото его родителей никогда не попадало и не попадет в Интернет — даже немногочисленные оставшиеся папарацци, которые пытались вычислить родителей Основателя, со временем имели серьезный разговор со службой безопасности корпорации и заканчивали свои тщетные попытки поймать пару в объектив.

Нарочито публично отказался Основатель и от светской жизни, и от имущества — острова, и всё, что было на архипелаге — все автомобили, самолеты, вертолеты и прочее имущество, — было собственностью корпорации, а наличные деньги Основатель давным-давно и в руки-то не брал. Свобода от материального — вот, что он пропагандировал.

Само бунгало, в котором жил Основатель, хотя внешне и казалось чересчур скромным, внутри представляло собой высокотехнологическое жилище с наличием высокоскоростного Интернета, всех современнейших систем «умного» дома, спутниковой связи и огромного количества стационарных компьютеров и ноутбуков на базе различных оперативных устройств, за которыми регулярно работал Основатель. Последние недели он так был увлечен какой-то новой задумкой, что практически не ел, а только пил родниковую воду, медитировал и работал. Ему не терпелось поделиться своими мыслями со Генрихом Яковлевичем, которого по праву считал гением, стержнем и нервом всей корпорации, а себе отводил «скромную» роль Основателя и двигателя всей империи грез.

Одно время Основатель всерьез подумывал заменить всех живых людей на островах на андроидов — настолько он был помешан на прогрессе, тем более что сама корпорация в свое время вместе с другими IT-гигантами разработала собственную линейку андроидов и уверенно их продвигала в различных сферах, в том числе и как помощников по дому. Но именно Генрих Яковлевич отговорил его от этой идеи.

Главный инженер апеллировал к тому, что так Основатель может совсем ресоциализироваться, а этого допускать нельзя. Оторвавшись от общества, потеряв связь с людьми, Основатель может перестать понимать их, что неизменно скажется на его ментальном здоровье. Только принимая людей со всеми их недостатками, запахами, неуклюжестью можно самому остаться человеком, а не машиной. Основатель послушал тогда Генриха Яковлевича, но свою роль сыграло еще и то, что андроид-повар полностью запорол свой первый же ужин, несмотря на прошитые в систему навыки лучших шеф-поваров мира. У всех его блюд не было главного — души.

Поэтому людей на островах Основатель оставил, хотя и свел к минимуму свое общение с ними.

Он не был угрюмым, нелюдимым или диким. Основатель понимал свою человеческую природу и считал выбранное уединение своим законным правом и выбором, который есть у каждого человека от рождения. Ему не хотелось светской жизни, публичности, телекамер, интервью. Три-четыре раза в год он выбирался в большой мир, но только для того, чтобы посетить интересную ему выставку высоких технологий или чтобы выступить на авторитетной научной конференции с докладом о своих разработках или философских измышлениях.

Он имел прекрасно накаченное тело с идеальным загаром, всегда был гладко выбрит, разбирался в моде и искусстве и совсем не был похож на отшельника с необитаемого острова, пусть и окруженного целой армией разнообразной прислуги. Себя он очень любил.

Да, Основатель любил порассуждать на философские темы, и целая кипа блокнотов и ежедневников в его бунгало были забиты разными мыслями, умозаключениями и выводами, сделанными как спонтанно, так и в ходе медитаций. В прошлый раз Основатель и вовсе совершил переполох на Всемирной IT-конференции в Париже, когда заявил, что дальнейшее развитие технологий требует глубокой рефлексии от человечества и это движение невозможно без философского дискурса. Переполох был как в среде айтишников и инженеров, так и в среде философов, социологов, экспертов разного уровня, одни из которых называли его гением и пытались развить эти мысли в своих диссертациях, статьях и монографиях, в то время как другие считали его сумасшедшим, как и само существование корпорации «Сладкие грезы», которую критиковали с момента основания и критикуют до сих пор, но она от этого становится только сильнее.

8

Сегодня «Сладкие грезы» входят в топ-пять крупнейших компаний мира и всё чаще оказываются в центре внимания, попадая на обложки и в сводки мировых СМИ. Поводы для этого были разные — от хороших до не очень. Время от времени какая-нибудь знаменитость, будь то поп-звезда или голливудский актер, а может даже и глава государства призывает закрыть компанию, считая ее античеловечной, но всё это добавляет «СГ» только популярности. На данный момент корпорация так разрослась, что имеет филиалы в семидесяти девяти странах мира и продолжает расширяться. Причем само наличие филиала стало престижным для страны — компания не открывает свои подразделения в отсталых, слаборазвитых или неперспективных странах.

Центр же корпорации, с которого всё началось, всё так же располагается в Подмосковье, занимая несколько десятков гектар территории — в свое время это вызвало дикие протесты местных активистов, ведь корпорация заняла сельскохозяйственные земли и лесной фонд, построив двенадцать однообразных эллингов под свои нужды. Вся территория была огорожена высоким забором по принципу живой изгороди — деревья и кустарники росли на многоуровневой платформе из питательного материала и почвы, посаженной на каркас из алюминия. Издалека ограждение центрального комплекса корпорации походило на вертикальный вытянутый холм. Таким образом «Сладкие грезы» демонстрировали свою исключительную экологичность, ведь на место срубленных деревьев и кустарников корпорация высаживала значительно больше.

Особо упертые экоактивисты, еще вчера выступавшие против корпорации, вскоре вдруг становились ее обожателями, а еще собственниками квартир в Москве и других городах мира, владельцами иномарок и хороших счетов в банках. На рекламу «Сладких грез» денег не жалели. Корпорация потребляла так много энергии, что стала источником проблем для многих соседних городов, которые часто испытывали перебои со светом, но этот вопрос был решен — новенькая, мощная и суперсовременная атомная электростанция, построенная корпорацией, обеспечивала не только нужды «Сладких грез», но и давала дешевую энергию в одиннадцать ближайших городских округов Подмосковья. Аналогичный подход корпорация применяла и в остальных своих филиалах, развивая инфраструктуру прилегающих территорий.

Но в начале было сложно.

В новый стартап, рожденный буквально на коленке, никто не верил. Дима Савельев и Генри Шефер, вдвоем создавшие проект «Сладкие грезы», ходили на постоянные выставки и форумы, переделывали презентации, делали тестовые показы, но всё никак не могли найти инвестора. И всё это несмотря на бурный рост высоких технологий в России в 2030 годы и буквально фанатичный интерес многих инвесторов именно к подобным идеям, превратившийся даже в некий элемент моды: если в девяностые и нулевые модно было иметь нефтяную скважину, то спустя всего несколько лет это стало моветоном — модно было вкладываться именно в айти.

Изменилось всё в одну ночь 2038 года. В три часа ночи в квартире Димы Савельева на окраине Москвы раздался телефонный звонок. Неизвестный номер с международным кодом, которого Дима не знал, разбудил только уснувшего стартапера. Дима хотел сбросить вызов, но автоматически ответил на него.

Тридцать секунд он молча слушал, закрыв глаза, словно в полусне, потом открыл глаз и две минуты, почти не моргая, смотрел в потолок; затем резко сел на диване, сбросив старый облезлый плед на пол и еще минут пять только и повторял в трубку «да», «да», «да». Завершил звонок он победным и громким «Да!», которое он прокричал, уже положа трубку. Этот победный вопль перебудил, наверное, половину дома и уж точно родителей Димы, мирно спавших в

соседней комнате, — он даже забыл, что вот уже как полгода вынужден был вернуться в родительский дом, ведь денег на съем своей квартиры, а тем более на ее покупку, у него не было.

На несколько секунд затихнув, Дима прислушался — вроде из родительской спальни не донеслось ни звука. Может, не проснулись, а может, проснулись, но никак не отреагировали на громкий возглас сына посреди ночи. Его поведение их давно ни удивляло, ни огорчало, только немного тревожило, ведь сын работал днями и ночами напролет. Они сами не знали, над чем и ради чего он трудился, поэтому просто смирились, что их сын немного псих — но точно гениальный псих. Такие обычно мир и меняют.

Убедившись, что родителей он не побеспокоил, Дима тут же набрал своему другу и по совместительству другому основателю стартапа Генриху. Генрих не спал и взял трубку спустя всего один гудок.

— Да, — сурово даже для него самого произнес Генрих.

— Генри, угадай, кто мне звонил, — Диму буквально разрывало от эмоций.

Генрих тяжело вздохнул.

— Слушай, я тут кодить пытаюсь, надо много костылей поправить. Давай сразу к делу, — пробурчал он в трубку, при этом вся его фраза прозвучала сразу, монотонно, не разделяя слова между собой. Видно, что он и правда очень устал и был раздражен.

— У нас есть… инвестор! — сказал Дима и после слова «инвестор», показавшегося ему слишком громким, закрыл рот и посмотрел на дверь. Убедившись, что за дверью тишина и никто не бежит его убивать за шум посреди ночи, Дима вернулся к разговору.

— Ты шутишь? — спокойно, но уже более живо спросил Генрих.

— Друг, я бы не стал таким шутить. Завтра я вылетаю в Эмираты на переговоры. Сказали, что им ничего не нужно, они видели нашу презу на последней конференции и какой-то то ли шейх, то ли король заинтересовался. Но у него есть вопросы. Больше ничего не знаю.

— А это не развод? — осторожно спросил Генрих.

— Генрих, странный развод, когда тебе присылают билет на самолет, причем в бизнес-класс, и адрес отеля, где на твое имя сняли номер. А они уже это сделали. Друган, кажется, завтра, точнее, уже сегодня, для нас изменится всё. Так, мне надо собирать сумку, погладить рубашку и найти загранник. Сколько туда лететь? Часа три-четыре? Да где мой сраный загранник? Братан, у меня щас мозг взорвется, буду я собираться, прости, как появятся новости, сразу тебе позвоню. Но я думаю, мы дождались — для нас теперь всё изменится.

Дима ошибался. С того момента изменилось всё не для них, а для всего мира. Ребята как никогда точно попали в самый нерв человечества и в главное чувство XXI века — ностальгию. Возможность уснуть глубоким сном и вернуться в собственное прошлое, заново пережить воспоминания, при этом не как сторонний наблюдатель, а как непосредственный участник, увидеть и почувствовать то, что уже, может, и давно забыто — всё это и многое другое свело миллионы людей с ума.

С тех пор Дима всё больше занимался маркетингом и стал в итоге называться Основателем и лидером корпорации; Генрих же, всегда более прагматичный, тихий и совершенно не амбициозный, стал главным инженером — Генрихом Яковлевичем — и сосредоточился на технических вопросах развития компании, оставив тем не менее за собой титул сооснователя и совладельца корпорации. Мир же претерпел куда более серьезные изменения — одни считали стартап началом новой эры и искали в нем утешения, другие видели в нем угрозу человечества и будущий крах всего мироздания.

Неравнодушных в отношении корпорации «Сладкие грезы» не было.

9

«Добро пожаловать в “Сладкие грезы”. Мы сделаем ваши воспоминания снова реальными и позволим заново пережить самые счастливые, волнительные и радостные моменты», — чуть больше года назад эту фразу услышал Сергей Леонидович Ветров по телевизору, когда вешал на люстру петлю, чтобы повеситься.

Конечно, он слышал о корпорации и раньше, но именно в этот момент он замер и посмотрел на экран.

«Переживите вновь самые счастливые и радостные события своей жизни, повидайтесь с давно ушедшими близкими, обнимите их, почувствуйте их тепло и заботу, отмотайте жизнь назад и вернитесь в детство или юность, пройдите по давно забытым улочкам своей памяти. Жизнь — это выбор, и этот выбор за вами. Какие грезы для вас самые сладкие? Мы даем вам шанс это узнать», — продолжала вещать с экрана ТВ миловидная девушка с идеально уложенными волосами.

— Шанс, — ссохшимися губами повторил Сергей Леонидович, в далеком прошлом просто Серега, и медленно слез с табуретки, оставив тем не менее петлю завязанной на люстре.

Не без труда он отыскал свой потасканный смартфон и нашел в интернете горячую линию компании. Он уже хотел было нажать на «вызов», но вдруг замешкался и даже почти передумал, однако его взгляд упал на петлю на люстре, и последние сомнения улетучились. Действительно, выбор есть всегда — или сделать звонок, или залезть в петлю. Тогда Сергей Леонидович такой выбор сделал и стал одним из миллионов клиентов корпорации, но клиентом особенным, о чем, в принципе, он и сам не догадывался.

10

Стартап «Сладкие грезы», ставший в будущем мировой корпорацией со множеством филиалов, был одновременно простой и гениальной задумкой.

Человек по сложной нейросетевой системе подключался к серверу с программным обеспечением, которое позволяло получить доступ ко всем его воспоминаниям, накопленным за всю жизнь.

Еще много десятилетий назад, в XX веке, ученые предположили, что подсознание человека несет в себе память абсолютно обо всех моментах жизни — каждую секунду, от самого периода рождения. Даже то, что мы сами, казалось, давно забыли, хранилось в подсознании. Уже в XXI веке ученые смогли доказать эту теорию, что и подтолкнуло двух молодых, но очень амбициозных программистов — Диму и Генриха — к созданию системы «Сладкие грезы» и ее продвижению как стартапа.

Самая изюминка идеи заключалась в том, что, подключившись к системе, человек не только давал доступ к своему подсознанию и позволял поднять все его «архивы» и каждую миллисекунду своей жизни, записанную на скрытый внутренний биологический «жесткий диск»; будучи погруженным в глубокий сон, он мог заново пережить все эти события, начиная с самого раннего детства и заканчивая вчерашним днем. Любой миг, день, неделя, месяц или год могли быть повторены так, как будто это не сон, а абсолютная реальность. Люди получили возможность проживать всё это вновь и вновь, при этом каждый раз испытывая те же чувства, которые никогда не надоедают.

Это как посмотреть отличный фильм или отрывок из него, потом отмотать назад, стереть себе память и посмотреть заново, вновь испытав весь спектр восторга и радости. Только вы не смотрите фильм, а словно живете свою жизнь, забывая, что вообще спите в капсуле. Человек забывает обо всём, увлеченный своими же воспоминаниями, их проживанием, открытиями, которые они несут. Он не может серьезно изменить сюжет воспоминания, его общий ход или итоги, но может погрузиться в него, испытать радость или покой, томительную тоску или удивление, в конце концов, может управлять этими воспоминаниями, листая их как каталог или меню в ресторане; покататься на первом в жизни велосипеде или «перелистнуть» несколько лет и оказаться в давно забытом месте теплым августовским вечером и пережить свой первый поцелуй. Старики переносились в юность, чтобы снова починить отцовский мотоцикл, подраться на дискотеке, покурить за гаражами после школы, влюбиться и жениться, нянчиться с детьми, и всё это было абсолютно реально, ровно так же, как было реально и тогда — когда это были моменты жизни, а не воспоминания, бережно хранимые в подсознании.

Безнадежно больные люди подключались к этой системе и вновь проживали свою жизнь — с самого раннего детства до получения смертельного диагноза или первых неприятных симптомов, потом отматывали воспоминания назад и снова проживали обычную жизнь, вовсе забывая о своей болезни.

Смертельно больной человек, которому оставалось в реальной жизни жить месяцы или даже недели успевал прожить заново несколько своих жизней — ведь во сне время идет иначе, и пока в нашем реальном мире проходит неделя, в глубоком сне человек может прожить десятилетие, и оно не будет выглядеть, как на ускоренной съемке, а будет казаться естественным ходом жизни. Таким образом человек словно откладывал дату своей смерти — условно, конечно. Болезнь всё равно брала верх через недели или месяцы, но к тому моменту человек в своем сне, а точнее, в грезах проживал уже множество жизней и каждую как в первый раз.

Уход для таких клиентов всегда был максимально безболезненным — когда система понимала, что человек физически умирает и дальше в грезах оставаться не может, в его кровеносную систему подавался специальный раствор, и человек засыпал уже навсегда — его дыха-

ние останавливалось, сердце переставало биться, но до последнего мига мозг проживал сон и даже не замечал, как отключался. Ни боли, ни страха — ничего…

Как несложно догадаться, клиентами компании как раз и были в основном глубокие старики или безнадежно больные люди, то есть те, которым уже, возможно, никогда не скопить новых воспоминаний, но можно переживать старые, словно проживая заново жизнь, пока организм не откажет совсем. Такие клиенты никогда уже не возвращались в реальный мир. Мертвые тела клиентов или передавали ближайшим родственникам, о которых надо было заявить заранее и с которых необходимо было взять письменное подтверждение, что они заберут тело после смерти, или же кремировали в собственных крематориях корпорации. Куда потом девали пепел официально никто не знал, и компания не любила поднимать эту тему.

Конечно, услуги корпорации были не из дешевых, но политика компании была максимально гибкой. Во-первых, ежегодно проводилась лотерея в интернете, участником которой мог стать любой достигший определенного возраста, но не младше восемнадцати лет (зависит от страны; например, в Китае возрастной ценз по требованию правительства установили в шестьдесят лет, в России — в тридцать пять лет, а вот в некоторых странах Европы участников розыгрыша билета в капсулу «Сладких грез» мог стать и восемнадцатилетний юнец).

Это породило даже новый тренд среди молодежи: получить базовые знания в школе, затем бросить учебу и до восемнадцати-двадцати лет просто активно путешествовать, отрываться на грани безумия, совершать безрассудные, но веселые поступки, максимально жить в свое удовольствие.

Движение получило название «аккумуляция», то есть «накопление» и цель его — собрать как можно больше ярких и красочных воспоминаний, потом выиграть в лотерею и стать клиентом корпорации, чтобы вновь и вновь переживать эти моменты. Зачастую этот тренд приводил к трагедиям, когда в попытках совершить что-то безрассудное молодые люди забывали про осторожность: прыгали со скал, лазили по горам, практиковали полет в вингсьюте и так далее. В погоне за адреналином и незабываемыми впечатлениями молодежь так увлекалась, что забывала про элементарные меры безопасности, и в лучшем случае люди калечились, но чаще просто погибали. Почему «в лучшем случае»? Стать калекой их не пугало, ведь и калека мог подключиться к «Сладких грезам» и вновь проживать свои воспоминания, чувствовать себя полноценным человеком.

Только вот выиграть в лотерею мог далеко не каждый. Казалось, что корпорация ежегодно разыгрывает много — сотни — билетов, но желающих получить их были миллионы, а значит, шансы стать счастливчиком были мизерными, особенно с учетом того, что последние лет пять компания не увеличивала количество победных лотерейных билетов, а вот число желающих стать победителями только росло.

Был и более простой путь — просто купить билет в «Сладкие грезы», однако цена была заоблачной. Люди копили многие годы, продавали имущество, даже шли на преступления, чтобы купить заветный билет.

Пережив ряд скандалов и судебных разбирательств, корпорация всё-таки установила внутренние правила продажи билетов: в каждой стране установлен минимальный возраст для клиентов; каждый из них обязан пройти медосвидетельствование на вменяемость, которое проводит сама корпорация, не быть алко- или наркозависимым, а также не иметь судимостей за тяжкие преступления (компания не хотела, чтобы бывшие маньяки и педофилы использовали их оборудование для своих больных фантазий). Позже установили, что минимальный возрастной ценз мог быть снижен хоть до бесконечности при наличии у потенциального клиента неизлечимой болезни — кстати, в этом случае и цена для него устанавливалась минимальной.

Стоимость услуги «Сладких грез» зависела от возраста клиента (чем выше возраст, тем ниже цена), наличия болезней, его послужного списка и еще целого ряда условий. Что интересно — мнение родственников, даже ближайших, не учитывалось вовсе. В «Сладкие грезы»

можно было прийти только добровольно, и штатный психотерапевт внимательно следил за этим, отмечая любые попытки близких родственников сдать престарелого больного родственника, ставшего обузой, компании. С другой стороны, любые протесты родственников и близких людей компанией тоже не принимались даже к рассмотрению. Если человек пришел и добровольно захотел купить билет, если этот человек отвечает всем условиям, то он купит билет. В последние годы даже суды разных инстанций перестали брать на рассмотрение такие иски, которые близкие родственники клиентов подавали против самой корпорации, требуя вернуть им близкого человека или добиться какой-либо компенсации. Юридическая служба компании работала как швейцарские часы и с легкостью «щелкала» такие дела по всему миру, отстаивая чистое и доброе имя «Сладких грез».

Всё добровольно. Выбор делает сам человек. Взрослый. Самостоятельный. Состоявшийся. Вот его подпись. Вот подписи врачей. Вот подписи, подтверждающие подписи клиента и врачей.

Не придраться.

11

Сергею Леонидовичу пришлось продать свою однушку, когда-то купленную вместе с женой Юлей, древний «Рендж-ровер», служивший ему верой и правдой долгие годы, дачу, земельный участок и снять все деньги со счетов, чтобы купить билет на пять лет в «Сладкие грезы». Само понятие «купить билет» даже звучало как атавизм. Он просто перечислил все деньги по реквизитам, указанным на сайте корпорации, и ему пришел куар-код на смартфон.

Никакого билета, по сути, не существовало.

Затем Сергей Леонидович пришел в один из офисов корпорации с маленькой сумкой, в которой было лишь сменное белье, документы, очки для чтения, зубная щетка и зубная паста, носовой платок и шляпа, мобильный телефон, но всё это пришлось оставить там же, в офисе. Корпорация выдавала всё необходимое, а необходимы были только белый халат из хлопка, который выглядел как кокон, тапочки, похожие на те, что выдают в поездах или отелях и… всё. Но для начала Сергей Леонидович прошел обследование у врачей, заполнил и подписал кучу бумаг, отказов от претензий, обязательств и т. д. и т. п. Последним было заявление на погребение.

Сергей Леонидович отметил, что родственников не имеет, дал согласие на кремацию и похороны силами корпорации в случае своей смерти в капсуле.

— А куда вы деваете пепел? — спросил он у миловидной девушки, оформлявшей заявку.

— Я не знаю, — честно ответила она.

Наконец всё было подписано, одобрено и оформлено.

Сергей Леонидович переоделся в халат и тапочки, был погружен в комфортабельный одноместный шаттл, который управлялся автоматически, и был доставлен на базу корпорации в Подмосковье. После длительных и не очень приятных процедур подключения ко всем системам, что включало в том числе установку катетера и калоприемника, Сергей Леонидович был подключен к капсуле и ожидал погружения в грезы, наблюдая за синей лампочкой прямо над своей головой.

Андроиды Алиса и Вика, которых тогда он увидел впервые, суетились рядом и что-то настраивали на панели управления капсулы старика.

— Добро пожаловать в «Сладкие грезы». Мы сделаем ваши воспоминания снова реальными и позволим заново пережить самые счастливые, волнительные и радостные моменты, — сказали андроиды при встрече.

— Спасибо, — стараясь выглядеть позитивным, отвечал им старик. Его тревожило, что он не увидел ни одного живого человека с момента прибытия, если не считать десятков или сотен таких же клиентов в капсулах вокруг. Казалось, что вся корпорация состояла из андроидов. Получается, что та девушка в офисе была последним живым человеком, которую он видел в жизни. А он даже не запомнил ее имя на бейдже. Анастасия? Анжелика? Что-то на «А». Никак не вспомнить. Стоп! А солнце?

Еще утром старик пил кофе в уличном кафе и видел солнечный свет. Потом погода испортилась, он пошел в офис, затем его погрузили в шаттл и привезли к этой капсуле. Получается, утром он в последний раз видел солнечный свет.

Старик всё размышлял над тем, что сегодня он делал в последний раз в жизни, и постепенно сам не заметил, как его веки становились всё тяжелее, и он начал погружаться в свои грезы.

«А когда-то меня звали все просто Серегой», — мелькнуло напоследок в его засыпающем мозге.

12

«Суперджет» с Генрихом Яковлевичем наконец заканчивал свой тринадцатичасовой по длительности полет и приближался к острову-аэропорту в Тихом океане. Шефер планировал посвятить всё время работе, но в итоге всю дорогу просто проспал, еще и в неудобной позе, свернувшись калачиком в кресле.

Несколько попыток андроида-стюарда разбудить его и предложить перейти в каюту-спальню успехом не увенчались. Главный инженер накопил такой недосып на работе, что можно было стрелять из пушки у него над ухом, и он бы не проснулся. Он даже не заметил, в какую мощную турбулентность попал его самолет при снижении, когда тряской его чуть не выкинуло из кресла, даже пристегнутого, а все бокалы, книги и бумаги просто разлетелись по салону, но андроиды-стюарды быстро навели порядок, как будто ничего и не было.

Проснулся Генрих Яковлевич только когда почувствовал, что самолет остановился и заглушил двигатели.

— Мы прибыли, Генрих Яковлевич, — услужливо сказал андроид-стюард.

— Я вижу, — буркнул Шефер и потер заспанные глаза. — Сколько я спал?

— Почти весь полет, уважаемый, — ответил андроид. — Желаете принять душ или умыться?

— Нет, — резко ответил Шефер и откинул плед. — Откуда у меня плед?

— О, я подумал, вы замерзли, и накрыл вас пледом, — ответил андроид.

«Подумал он. Как будто может», — мысленно поворчал Генрих Яковлевич и подошел к зеркалу, чтобы поправить одежду и прическу.

— Я выхожу, — скомандовал он.

Трап уже был подан.

Спускаясь по нему, Шефер с непривычки сильно зажмурился от яркого тропического солнца. Сидя в основном на базе корпорации целыми сутками, он и забыл, что такое солнце, а тут его было особенно много, в то время как тени было очень мало. День был в разгаре.

Еще Шефер, одетый в привычные джинсы, рубашку и ветровку, понял, что одет совсем не по погоде, а вот захватить что-то более летнее и легкое он не догадался, да и времени не было.

Спустившись по трапу, он снял ветровку и отдал ее андроиду-стюарду, затем закатал рукава рубашки — что в принципе не сильно спасло от небывалой жары, — и обратился к другому андроиду (судя по наряду, андроиду-распорядителю) или просто слуге, посланному встретить Шефера.

— Где Основатель? — спросил Генрих Яковлевич.

— Основатель, согласно графику, на острове медитаций, просил его не беспокоить. Он распорядился проводить вас в ресторан и накормить по прибытии, но в начале велел предложить вам что-то из более комфортной одежды. Несколько комплектов вашего размера и фасона уже ждут в отеле в вашем номере. Я провожу.

Ну конечно, Основатель знал, что Шефер как всегда приедет без летней одежды, и всё предусмотрел.

— Вы и отель тут построили? — удивился Шефер по пути.

— Скорее гостевой домик на несколько комфортабельных номеров, — ответил андроид. — Основатель не часто, но всё же принимает гостей и решил, что будет разумно обеспечить им должный уют и прием.

«И давно это я у него стал в разряде “гостя”?» — недовольно подумал Генрих Яковлевич, но вслух ничего говорить не стал. В прошлый раз Основатель сам встречал его у трапа, и ночевали они вместе в его просторном бунгало. А теперь главного инженера, а по факту сооснователя корпорации и автора исходного кода ведут в гостевой домик, пока Основатель

не соизволит его принять. Всё это, вместе с разбитым состоянием после полета и многочасового сна, неимоверно утомляло Генриха Яковлевича, но он старался не подавать даже виду, что огорчен прилетом и подобным приемом.

— Тогда принесите мне обед прямо в номер. Что-то морское, на вкус повара. И воды минеральной без газа. Много, — сухо распорядился Генрих Яковлевич.

— Будет сделано, — услужливо бросил андроид, кивнул и тут же удалился, оставив Шефера на пороге его номера.

Главный инженер задумчиво уставился в окно, наблюдая, как океанские волны мерно омывают пляж. Остров-аэропорт находился в глубине горного архипелага, и здесь практически не было сильных штормов, ветра или высоких волн. Также он был и недалеко от острова, где стояло одинокое бунгало Основателя.

Встретиться они смогли спустя долгие шесть часов, которые главный инженер провел в своем номере под кондиционером, попивая прохладную минеральную воду. Он всё-таки решил переодеться в предложенные ему летние вещи, сменив привычный свой гардероб на более приемлемый для здешних мест. Правда, надевать шорты и гавайскую рубашку он наотрез отказался, и тогда андроидом Сидни, которая исполняла обязанности горничной, ему были предложены светлый льняной костюм с брюками и соломенная шляпа, которые устроили Генриха Яковлевича.

Основатель уже ждал его на острове, стоя босиком и зарывшись ногами в песок, в помятых шортах для купания и с голым торсом. Тело, изнуренное тренировками и диетой, отдавало бронзовым загаром, на фоне которого главный инженер выглядел бледным и старым, как мумия.

Генрих Яковлевич выбрался из лодки и зашагал к Основателю, не спуская с того глаз и одновременно стараясь не потерять в белоснежном песке свои шлепанцы, надетые еще в отеле. Казалось, Основатель был сделан из камня, но уже через несколько секунд его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Ну здравствуй… Основатель, — сказал Генрих Яковлевич с ухмылкой и протянул руку.

— Привет, Генри! — воскликнул Основатель. — Еще раз назовешь меня Основателем, точно обижусь. Для тебя и только для тебя я всегда буду просто Димой, мы же договаривались. Для тебя и для родителей, и всё.

Он проигнорировал протянутую руку Генриха Яковлевича и крепко обнял его. В этом объятии главный инженер почувствовал всё одиночество Димы и какую-то надежду, связанную с его приездом. Явно разговор предстоял долгий и непростой — это не рядовая встреча.

— Ты как расположился? Номер самый лучший дали? Ты голодный? Может, выпьешь? — заваливал его вопросами Дима.

— Да всё замечательно, — протянул Генрих Яковлевич. — Можно и о деле поговорить.

— Ах да, — Дима словно встряхнулся, — я и забыл какой ты деловой, но вот что я предлагаю. Сейчас нам накроют столик прямо тут, на берегу, где закат, принесут легкие закуски, немного хорошего белого вина, и мы поговорим. Мы с тобой так давно не говорили.

— Вина? А как же запрет на алкоголь и вообще твой осознанный образ жизни? — удивился Генрих Яковлевич.

— А, ты про все эти интервью и посты в соцсетях? Не верь этой чуши, разделяй меня настоящего и меня медийного. Есть образ, который я поддерживаю публично — в интересах корпорации, конечно. Алкоголь не вяжется с философией нашей компании, и публично я его отрицаю, но хорошее белое вино со льдом на берегу океана? Я тебя умоляю, это не пьянство, это вкус жизни, — с улыбкой ответил Дима.

Уже через несколько минут всё было готово, и старые друзья сидели друг напротив друга, потягивая из больших бокалов белое вино со льдом. На столе были легкие закуски из морепро-

дуктов и свежие фрукты. Невдалеке, но всё-таки на почтительном расстоянии, словно статуи, стояли андроиды-официанты, готовые принести что угодно по одному щелчку пальцев. Дима специально распорядился, чтобы они стояли подальше и не могли слышать их разговор.

— Не доверяю я им, — сказал Дима, наблюдая, как солнце искрится в бокале вина.

— Кому? — уточнил Генрих.

— Да этим, — Дима кивнул в сторону андроидов.

— Почему?

— Знаешь, эффект «зловещей долины»[4] меня постоянно накрывает. Сколько не пытайся сделать их похожими на людей, но…

— Глаза, — перебил Генрих.

— Глаза, — согласился Дима. — Бездушные и пустые.

Голубые воды океана возле их ног приобретали всё более темные оттенки — солнце клонилось к горизонту, и закат пылал огнем.

— Завтра буря будет, — задумчиво сказал Дима, продолжая любоваться всеми спектрами алого цвета, который пробивался сквозь вино в бокале и кубики льда.

Вода почти доходила до их ног. Генрих тоже снял шлепанцы и зарылся ногами в теплый песок. Он был почти расслаблен в этот момент, но его тревожило, что Дима всё не переходил к делу, словно размышлял о чем-то и думал, как начать разговор. А может, он просто и вправду соскучился?

— Как там наш клиент? — вдруг спросил Дима, словно выйдя из глубокого транса.

Генрих, конечно, знал, о ком из клиентов говорил Основатель. Он отправлял ему последние отчеты, включающие характеристики мозговой деятельности Ветрова в периоды обрыва соединения, сопровождаемые появлением таинственной снежной двери.

— Клиент? Плохо. Не уверен, что он долго протянет, — ответил Генрих секунду спустя.

Дима молча сделал большой глоток вина и тут же долил себе еще.

— Что думаешь по поводу всей этой ситуации?

— Клиент что-то ищет в своих грезах, всего один эпизод, но это необычное воспоминание.

— В чем сложность пережить конкретное воспоминание? — спросил Дима.

— Как я и сказал, это необычное воспоминание. Думаю, необычно оно тем, что его никогда не существовало.

Дима вдруг вздрогнул и внимательно посмотрел на друга.

— В смысле? Это невозможно, — сказал Основатель.

— Я знаю, что это невозможно, ведь наша технология показывает людям их реальные воспоминания о реальных событиях, которые они пережили когда-либо, но в случае с *кли-ентом* мне кажется, точнее, у меня есть теория, что мы столкнулись с так называемым ложным воспоминанием, — ответил Генрих и сделал маленький глоток вина.

Дима молчал, обдумывая услышанное.

— Не понимаю, — пробурчал он. — Сбой в системе? Баг? Не понимаю…

— Мы много раз проверяли, система в порядке, — пояснил Генрих Яковлевич. — Мы думали, что обуздали подсознание человека, но я считаю, что мы ошибались. Со своей системой мы лишь научились плавать по ее волнам, словно дикие люди на первых рубленых лодчонках. Но глубже мы не смотрели, да и честно сказать, я не знаю, должны ли это делать. Подсознание представляется мне глубоким океаном, и что там в глубине, одному Богу известно.

---

[4] Эффект «зловещей долины» — понятие из психологии, которое описывает чувство страха, когда человек встречает или видит существо, которого сразу не может определить как живого или неживого, реального или нереального, как человека или машину.

— Опять ты про своего «бога», — недовольно поежился Дима в плетеном кресле. — В древности молния била в стог сена, и люди думали, что это бог их карает; теперь мы знаем, что это физика. Давай будем практиками.

— Это говорит человек, который недавно в Милане устроил переполох со своей философской рефлексией прогресса? — парировал главный инженер.

— Дискурса, — поправил Дима. — Философского дискурса. Это очевидно, по-моему. Странно, что ты это не так понял, а я вижу, что не понял. Основание у меня для этого дискурса более чем весомое. Ты же не торопишься? Я бы хотел, чтобы ты наконец узнал о моей новой идее.

Главный инженер поставил бокал с вином на стол и взял виноград, но лишь для того, чтобы покатать его между пальцами. Это успокаивает. Они и так играли с огнем, с самой малоизученной частью человека — подсознанием. Никто даже не знал, где именно оно находится, известно было лишь о его связи с определенными нейронами мозга, и то, как работает эта связь, неизвестно даже корпорации. Это просто работает. Самые отъявленные противники «Сладких грез» обвиняли их в том, что они играют с душами людей, ведь именно подсознание многие считают хранилищем души человека.

— Об этом позже, — сказал Основатель, словно прочитав мысли главного инженера. — Мы не сможем идти дальше, пока не разберемся с тем, что имеем. Вернемся к нашему старику, точнее, к нашему клиенту. Итак, твоя теория «ложного воспоминания». Я хочу пояснений.

— Да всё очень просто. Но повторюсь, что это лишь теория. — Генрих Яковлевич зажал виноградину в кулаке и положил на него подбородок, рассматривая закат. — Я думаю, что подсознание клиента на каком-то своем глубинном уровне сгенерировало воспоминание о событии, которого не было вовсе, или оно было, но в другом контексте, при других обстоятельствах или у других людей. Клиент не может пережить его сейчас, будучи подключенным к нашим системам, потому что не переживал это раньше. Это подсознание пытается его убедить, что такое событие было…

— Или сам клиент хочет, чтобы оно было, — прервал его Дима и тоже поставил бокал с вином на стол.

— Совершенно верно, — глаза у Генриха Яковлевича горели в лучах закатного солнца, как у безумного. — Это удивительно. Мы впервые сталкиваемся с таким опытом, когда подсознание человека генерирует ложное воспоминание. Наши алгоритмы не настроены на них, поэтому и случаются обрывы связи.

— Сколько?

— Чего? — Генрих Яковлевич взял бокал и пригубил вино. Лед почти растаял, так что вкус вина был слишком водянистый. Вино со льдом придумали или гении, или мазохисты.

— Времени? — Основатель где-то далеко витал в своих мыслях и тоже смотрел на закат.

— У клиента времени очень мало, если ты об этом. Он стар, болен, измучен. Можно сказать, что он и жив-то до сих пор потому, что подключен к капсуле, которая поддерживает основные функции организма. Но каждый такой обрыв соединения и возвращение в реальность могут стать для него последними. Если ты имеешь в виду, сколько времени нужно нам, чтобы разобраться, я не знаю. Я мог бы заниматься этим вопросом, но вынужден сидеть здесь. Может, клиент уже умер в эту секунду, я не знаю.

— Я знаю, — Дима взял яблоко и встал. — Пойдем в бунгало, и я кое-что тебе покажу. Один из своих скелетов в шкафу.

13

Железные ворота тюрьмы отворились с громким скрипом, который возвещал о начале нового этапа в жизни Сереги.

Из заключения он вышел с маленькой спортивной сумкой за плечами, в которой уместились все его вещи. Он сделал четыре или пять шагов, прежде чем остановиться и громко втянуть грудью воздух. Впервые за восемь лет ему дышалось на удивление легко. Он вообще не думал никогда, что воздух имеет вкус, теперь же для него он был очевиден. Для этого достаточно несколько лет дышать чужим потом, дерьмом, прожить в камере, рассчитанной на двадцать человек, в которую поселили пятьдесят.

Всё это было позади, но Серега еще в полной мере это не осознавал. Да что там свобода, даже новость о том, что его заявка на УДО[5], полученная почти месяц назад, одобрена, еще не в полной мере укрепилась в его мозге. Всё это казалось чьим-то злым розыгрышем, не более.

Он сделал еще пару вздохов, всё ожидая услышать за спиной тяжелый топот надзирателей, которые бегут за ним, чтобы вернуть в камеру.

Но вместо этого услышал голос откуда-то сбоку:

— Эй!

Серега обернулся, сощурившись от светившего прямо в лицо солнца, увидел черную машину и стоявшего рядом человека. Он приложил ладонь ко лбу, чтобы разглядеть всё получше и тогда увидел черный «Майбах» в люксовом двухцветном исполнении и молодого парнишку лет двадцати пяти в темном костюме, который ему был велик, и нелепом, но явно дорогом галстуке.

— Ты кто? — спросил Серега.

— Вас ждут, — проигнорировал вопрос парнишка и кивнул на заднюю дверь.

Серега не сдвинулся с места. Уж чему его и научили восемь лет в тюрьме, так это осторожности, а его «чуйка» развилась до уровня паучьей. И именно она сейчас говорила, что этот автомобиль и тот, кто в нем сидит, для него опасны.

Но в этот момент боковое стекло задней двери бесшумно опустилось, и Серега увидел знакомое лицо.

Младший. Он что, лично приехал встретить его? После всего, что было?

Младший молча поманил пальцем, и Серега как завороженный пошел навстречу. Паренек открыл дверь, и Серега сел в машину рядом с пассажиром. Он молчал. Серега молчал. Только чувствовал, как всё внутри сжалось и тяжелый липкий комок подступает к горлу.

Младший постарел и осунулся, но Серега видел его так давно, что не мог определить, насколько сильно. Он лишь заметил морщинки в уголках глаз, которые бывают у тех, кто часто смеется. И чего он молчит?

Паренек сел за руль автомобиля и вопросительно посмотрел на босса.

— Отвезем нашего друга домой, — сказал Младший и улыбнулся.

Нет, всё-таки он не изменился.

Автомобиль мягко тронулся, и Серега понемногу пришел в себя.

— Куда мы едем? — осмелился спросить он.

— Как куда, я же сказал, домой. Отвезем тебя, на чай не напрашиваюсь, понимаю, тебе бы отдохнуть, оттянуться, — Младший оглядел его сверху вниз, — приодеться нормально. Ты заслужил.

— Я ничего не понимаю, — пробормотал недоверчиво Серега, вцепившись в сумку со своим скарбом.

---

[5] Условно-досрочное освобождение.

Младший загоготал.

— Нет, я всегда говорил, что ты мне нравишься. Неужели ты думаешь, что УДО тебе дали за хорошее поведение? А если я скажу тебе, что судья, рассматривавший твое дело, сейчас отдыхает в Испании, ты сложишь два и два? — Младший продолжал улыбаться.

— Так это вы устроили? — удивился Серега. — И это после того, как я решил завязать и уйти из бизнеса?

— Это после того, как ты не назвал ни одного имени, не сдал никого, молчал, несмотря на угрозы и предложение о сотрудничестве со следствием, которое принесло бы тебе максимум условку или колонию-поселение. Ты знал всё о схемах, но был нем как рыба и честно отсидел от звонка до звонка. Да, ты, можно сказать, хотел нас кинуть, но в итоге повел себя более чем достойно, и все эти годы мы помнили об этом. Извини, что не приходили на свиданки и не делали передачки, ты уж, наверное, подумал, что мы про тебя забыли.

«Честно сказать, я надеялся, что вы меня забудете, а тюрьма давала какую-то гарантию безопасности для жизни. Да и открой я рот, вы бы мне его быстро закрыли и нашли бы меня в тюремном душе с перерезанным горлом или повешенным на носке в карцере», — подумал Серега, но не стал говорить вслух.

— Я не стукач и не кидала. Я же объяснил, почему хочу завязать.

— Да, да, я помню. Сам знаешь, наше ремесло не из тех, откуда просто уходят. С тюрьмой как-то глупо получилось, но надо было кого-то посадить, а тут ты со своими хотелками. Так что будем считать, что ты откупился. Еще и наградим тебя.

— Чем?

— Свободой, — улыбнулся Младший. — Да брось ты эту сумку на пол, она воняет.

Серега суетливо сунул сумку себе под ноги.

— Там просто мои вещи, — смутившись, сказал он.

— Они тебе нахрен больше не нужны. Как и те, которые на тебе сейчас. Сожги всё нахрен, не хватало тебе в квартиру вшей занести или еще чего похуже.

Младший, казалось, не шутил, хотя глаза у него улыбались.

— Так вот, ты заслужил свободу. Мы отпускаем тебя. Всё равно за эти восемь лет мы поменяли инфраструктуру, людей, твои знания уже ничего не стоят и нам не угрожают. Поэтому ты свободен. Но свобода без ответственности — это фикция, поэтому поговорим об этом. Но давай не в дороге, — Младший покосился на водителя.

— А как Юля? — спросил Серега пересохшими губами.

— Ее мы не трогали. Живет себе тихо с родителями. Всё равно мозгом был ты, а она так — сопровождение, твоя гарантия.

«Моя душа и вдохновение», — промелькнуло в голове Сереги. Он ощутил, как комок снова прилип к горлу. Не вырвало бы. Всё дело в духах. Младший пах дорого, но очень уж сильно, а Серега отвык от вкусных запахов. Хотелось на воздух.

Они ехали путанно, срезая дорогу через московские дворы и проулки, и Серега долго не мог понять, куда его везут. Наконец они сделали еще один маневр по району, нырнули в разбитый переулок, и роскошный автомобиль притормозил у знакомого подъезда.

— Вот ты и дома, — с удовлетворением сказал Младший и ударил Серегу по коленке. — Держи.

Он сунул руку в боковой карман и достал ключи.

— Спасибо, — Серега недоверчиво принял подарок.

— Не за что, — Младший открыл дверь и вышел из машины. Ветров последовал за ним.

— Теперь по существу. Мы будем за тобой приглядывать, поэтому не рыпайся. Хоть ты нам уже и не угроза, но сам понимаешь — бережного Бог бережет.

Он почесал шею и только сейчас Ветров заметил татуировку — перечеркнутая буква «Л».

— У судимых хреново с трудоустройством, но мы тебе поможем. Позвони завтра по этому номеру, — Младший сунул Ветрову сложенный листок. — Ничего особенного, пойдешь в охранное агентство к нашему корешу. Найдет тебе тихое место где-нибудь на стройке или на рынке.

Ветров развернул бумажку и посмотрел на цифры, криво написанные ручкой.

— А если я не хочу? — спросил он.

— А я тебя спросил, что ты хочешь? Радуйся, что всё так сложилось. Живи и не высовывайся. Даем тебе шанс на нормальную жизнь, второго не будет.

«Мне второй и не нужен», — подумал Серега и спешно сунул бумажку в карман спортивных штанов.

— Бывай, Серега, — протянул ему руку Младший. Серега хотел уже ответить на рукопожатие, когда увидел в руке визави белый пухлый конверт.

— На первое время, — коротко пояснил Младший. — Мы знаем, что у тебя отобрали всё имущество, счета и наличность, так что бери. Последнее наше добро для тебя.

— Спасибо, — вдруг вырвалось у Ветрова. Всё это казалось ему нереальным. Он еще немного постоял, окутанный дорожной пылью, после того как «Майбах» с Младшим скрылся за поворотом.

Наконец Серега почувствовал холод металла в левой руке. Ключ от его старой квартиры. Он оглядел дом сверху вниз — типичная высотка начала 2010 годов — бездушная башня без балконов и лоджий с маленькими окнами, тонкими стенами и тесными квартирами. За десять лет дом, казалось, не изменился, только ощетинился кондиционерами.

14

Основатель и главный инженер корпорации наблюдали всё это на большом мониторе, находясь в сердце самого шикарного и высокотехнологичного бунгало в мире — бунгало самого Основателя.

Дима улыбался и потягивал вино. Генрих некоторое время молчал, потом решился спросить:

— И давно у тебя тут идет трансляция? Как ты вообще ее провел? Я думал, только мы на месте можем подключаться и смотреть, но отсюда до базы тысяч двенадцать километров…

— Почему он не заходит? Неплохой дом. Явно лучше его камеры, — Дима словно специально игнорировал вопрос, но делал это как-то нервно.

— Ничего не понимаю, — главный инженер был растерян. — Так как вы провели сюда трансляцию?

— Я Основатель, ты забыл? — с плохо скрываемой обидой в голосе сказал Дима. Его задеть действительно было легко, как ребенка.

— Я помню прекрасно, кто ты, но я не знал, что у тебя есть трансляция его грез. Это же нужен прямой канал связи с эллингом, куча деталей. Не забывай, что я главный инженер и если будет утечка, то я за это не собираюсь нести ответственность, — парировал Генрих, который в этот момент стал самым настоящим Генрихом Яковлевичем — холодным, строгим, не признающим авторитетов, кроме инструкции по информационной безопасности. — И главное, зачем он тебе?

— Ты думал, я из твоих сухих, как воздух в пустыне, отчетов узнаю о делах клиента? О двери в зиму, о постоянных сбоях?

Для главного инженера это был как удар в спину. Кто-то в обход всех инструкций, написанных им же, провел за тридевять земель прямую трансляцию грез одного из клиентов. Если об этом узнает пресса, то это миллионные или миллиардные иски от других клиентов, точнее, от их семей. Конфиденциальность — один из столпов, на которых всегда стояла корпорация, а тут такая безалаберность. Генрих Яковлевич чувствовал, как в нем закипает ярость, и он готов был всё высказать Основателю.

— Да и, по-моему, это повтор. Он тут уже был. Могли ли у него за год закончиться грезы? — спросил Основатель.

— Ему семьдесят шесть лет. Значит, и воспоминаний на семьдесят шесть лет, — еле сдерживаясь от гнева, вызванного вальяжным общением Основателя, который вел себя так, словно ничего страшного и не произошло, ответил Генрих Яковлевич. Он сжал бокал с вином в руке так сильно, что сам не заметил, как побелели его пальцы. Еще немного, и треснуло бы стекло.

— Значит, он ищет. Но он тут был, и двери не было.

— Он в прошлый раз довольно быстро переключился из этого воспоминания далеко в прошлое. Может, хочет пройти его до конца.

— Верняк, — кивнул Основатель. — Посмотрим, что будет дальше.

Эта фраза заставила главного инженера отвести ненавистный взгляд с профиля Основателя на экран. Его раздражало, что и изображение здесь было более четким, чем у него в центре управления грезами. За двенадцать тысяч километров.

15

Серега уже вошел в свою квартиру и робко топтался на пороге. Казалось, что он вышел отсюда с Юлей буквально вчера, и только толстый слой пыли на полу и полках да затхлый запах непроветриваемого много лет жилища говорили о том, что этот порог много лет не переступали. Да, у него конфисковали роскошный пентхаус, но эта квартира каким-то чудом сохранилась. Может быть, потому что куплена она была до того, как Серега ввязался в криминал, и была частично оплачена из честно заработанных им денег.

Ветров снял обувь и босиком прошлепал по грязному полу, открывая окна во всех комнатах. Потом сел на кровать в зале — воспоминания об уютных вечерах с женой на этой постели накрыли его волной, — и раскрыл конверт. Внутри лежало с десяток новеньких пятитысячных купюр. Тысяч сто от силы, но это было на сто тысяч больше, чем у него было час назад.

«Ну вот и всё, что осталось», — подумал Ветров, оглядев комнату.

Ремонт в квартире он так и не доделал.

Он вдруг остро почувствовал страх, что сейчас прозвучит сигнал подъема и он окажется в камере, а всё это — всего лишь сон. Хотя, грубо говоря, это и был сон старика в суперсовременной капсуле, но сейчас это всё казалось взаправду, как в первый раз.

В этот момент он не думал ни о чем серьезном. Впереди он надеялся на спокойную жизнь. Может, продать квартиру и махнуть куда-нибудь подальше? Жить здесь снова ему было тошно, поэтому он сразу об этом задумался. Пугало только то, что бывшие работодатели обещали за ним следить. Даже на работу устроили наверняка для того, чтобы держать его под колпаком. Разумно будет выждать годик-другой, и если всё будет тихо, то уехать куда-нибудь в деревню, купить хороший дом (тем более денег от продажи московской квартиры, даже такой, хватило бы с лихвой), устроиться бы фрилансером на какую-нибудь непыльную работу и жить себе спокойно.

В этот момент он даже не сразу вспомнил про Юлю. Она не встретила его, да и как она могла его встретить, если уже больше двух лет не ходила даже на редкие свиданки и не писала. Письма Сереги тоже были без ответа. Она исчезла так внезапно, что Серега был почти уверен, что, возможно, всё дело в другом мужчине. Просто побоялась говорить. В своем последнем письме она как-то пространно намекала, что некоторое время не сможет писать, но в итоге не написала больше ни разу.

«Да куда она от меня теперь денется. Кого она могла найти? Да и развода не было. Во всяком случае, я не в курсе. Подумаю об этом завтра», — решил Серега. Он вздохнул, достал из кармана штанов смятую бумажку и с тоской посмотрел на цифры.

Он взял из конверта пару красненьких купюр и отправился на улицу. Надо было прикупить кое-что из продуктов, мыльно-рыльные принадлежности и какой-нибудь самый дешевый телефон. Завтра надо устраиваться на работу, иначе бывшие боссы будут волноваться. А их лучше не волновать, если Ветров действительно хотел спокойной жизни.

* * *

Утром Серегу разбудило солнце, бесстыдно светившее прямо в щель между неплотно задернутыми шторами. Он думал уже перевернуться на другой бок и продолжить спать, но случайно взглянул на часы — время уже приближалось к девяти.

— Неплохо я подавил, — он сладко потянулся в постели и решил, что пора вставать. Сегодня у него было много дел.

«Неужели я не могу хоть пару дней отдохнуть» — подумал Серега. Жизнь по режиму ему до чертиков надоела, и он наслаждался свободой. Но какая-то необъяснимая тревога всё-

таки заставила его выбраться из постели, принять душ и на скорую руку позавтракать — пара жареных яиц с вареной колбасой и чашка крепкого кофе его мигом поставили на ноги, и теперь он был готов к новому дню новой жизни. Не хватало лишь одной детали в ней.

Юля.

Из прикроватной тумбочки он достал новый телефон и сим-карту к нему. В первую очередь он позвонил по указанному на бумажке номеру и получил от ответившего на звонок хмурого мужика инструкции прибыть на работу завтра к девяти и не опаздывать. Отлично, значит, сегодняшний день был свободен.

Накануне он толком не успел осмотреть квартиру, чем и занялся теперь, насыпав в чашку еще растворимого кофе и залив его кипятком. Как же он скучал по кофе.

Ничего особенного он больше не обнаружил, хотя в душе надеялся, что где-то может быть хоть какая-то денежная заначка. И почему он не додумался в свое время припрятать пачку-другую денег на черный день?

Нет, в шкафах была только старая одежда, которая теперь была ему велика, да застиранное постельное белье.

Он принял душ, накинул выцветшую футболку и старые джинсы — всё это болталось на нем как на манекене — и вызвал такси.

Уже через пятнадцать минут он мчал по московским улицам, удивляясь тому, как же похорошела столица за то время, пока он отсиживал срок. Серега попросил таксиста сделать музыку погромче и приоткрыл окошко, вдыхая запах свободы и размышляя о своих планах на жизнь. Его сердце вдруг кольнуло воспоминание о том, как Юля потеряла их ребенка, но теперь-то они начнут всё заново. Он утвердился в своем намерении уехать куда-нибудь в глубинку, жить в живописном месте, может даже попробовать еще раз завести детей. Им с Юлей было едва за тридцать, и вся жизнь снова была впереди.

За своими мыслями он и сам не заметил, как оказался в спальном районе Чертаново. Серега подъехал к невзрачной, серой девятиэтажке, построенной еще, наверное, при Брежневе, и вышел почти у самого подъезда, расплатившись за поездку наличными.

Он некоторое время стоял на улице, обдумывая, что делать дальше. Вот он звонит в звонок, и дальнейших сценариев развития событий может быть несколько.

В первом варианте дверь открывает теща. Она видит его, шок, дальше много непечатных слов, он оправдывается, его не пускают на порог или пускают, но с большим недоверием и осуждением, он молча идет искать жену.

По второму сценарию открывает дверь тесть. Шок, тяжелый вздох, его пропускают, но дальше всё равно он видит тещу, и она возмущается его визиту, он слышит много нелестного в свой адрес, но идет дальше за своей женой.

И наконец третий сценарий: открывает дверь Юля, шок… а дальше? Тут вариантов два: бросается на шею в слезах радости или объявляет, что не желает его видеть, она нашла другого или не нашла, но решила дальше жить без него, а может, решила, но, увидев его, передумала и теперь никогда не отпустит.

Серега почувствовал, как у него сводит живот.

Казалось, что даже железная добротная дверь, которую он сам когда-то покупал и устанавливал в квартире родителей Юли на седьмом этаже, смотрела на него с удивлением и укором. Когда-то и у него были ключи от этой двери, но где они теперь, он понятия не имел. После конфискации всего имущества от старой жизни у него почти ничего не осталось. Да и зачем об этом думать? У него есть всё для новой жизни. Почти всё.

Он нажал на звонок, но ничего не произошло. Спустя несколько секунд он услышал копошение за дверью и понял, что на него смотрят в дверной глазок. Инстинктивно он хотел уже отойти в сторону, туда, где его не было бы видно, но в последний момент сдержался. Во-первых, было уже поздно, во-вторых, к чему это ребячество?

Затем из-за двери раздались голоса, их было два, и казалось, они о чем-то спорили всё громче и громче. Спустя еще две минуты дверь открылась.

На пороге стояли тесть и теща Сереги — Константин Иванович и Любовь Яковлевна. Такого сценария в голове Сереги не было, и на секунду он опешил, успев заметить, как сильно изменились хозяева квартиры — постарели не по годам, осунулись, похудели. Сама атмосфера за их спинами, в родительском доме Юли, была тягучей и насквозь пропитанной каким-то отчаянием и скорбью. Серега уловил слабый запах церковных свечей.

Несколько бесконечно долгих секунд или минут царила мертвая тишина. Неловкость и необъяснимая нелепость происходящего, казалось, висели в воздухе и мешали Сереге и родителям его жены произнести хоть слово.

— Здрасьте, — наконец выплюнул из себя Серега.

— Здравствуй, — неожиданно спокойно и смиренно ответила Любовь Яковлевна. — Честно говоря, не ждали.

— Вчера отпустили. За хорошее поведение, — уточнил Серега.

Константин Иванович стоял и что-то тихо жевал.

— Поздоровайся хоть, чего молчишь, — подтолкнула его за локоть Любовь Яковлевна.

Тесть замешкался, откашлялся, вытер рукавом рот и молча протянул Сереге руку. Ветров ответил на слабое и нерешительное рукопожатие родственника. За последние годы с этой семьей явно что-то случилось, и не похоже, что это «что-то» было хорошим.

Серегу одолевала тревога.

Обе стороны смотрели друг на друга в ожидании. Наконец первым сдался снова Сергей.

— Разрешите? — спросил он.

— Что? — уточнила теща.

— Ну… хоть внутрь зайти…

— Извини, но нет, — отрезала Любовь Яковлевна. — В этом доме тебе делать больше нечего.

Серега почувствовал, как сильно забилось его сердце и к самому горлу подступил ком. Запах церковных свечей словно обжигал ему носоглотку, и он чувствовал, что его вот-вот стошнит.

— А где Юля? — хрипло спросил он. — Что с ней?

— Вспомнил-таки, — вздохнула теща, а тесть сжал переносицу двумя пальцами. — Если ты подумал о чем-то таком, то не думай. Жива она. Как она — вопрос риторический. Но тебя он касаться не должен. И не ищи ее. Это твоя вина, но Господь тебе судья. Еще будут вопросы?

Ничего не понимающий Серега покачал головой.

— Так она не дома? — всё-таки отважился спросить он.

Любовь Яковлевна махнула и закрыла дверь.

Серега вышел из дома в полном недоумении и еще около часа смотрел на знакомое окно на седьмом этаже, выходящее во двор. Это окно спальни Юли, ее комнаты, где она выросла и прожила почти до самой их свадьбы. Он ждал тени, силуэта, хоть какого-то движения, но окно было плотно зашторено темно-алыми бархатными шторами. Юля их очень любила, хотя Серега, когда в первый раз зашел к ней в комнату, обозвал их «старушечьими» и посмеялся. Юля тогда сконфузилась, и теперь Сереге было бесконечно стыдно. От этих старых, уже выцветших на солнце штор веяло теплом и надеждой, и Серега собирался стоять на улице хоть до ночи, как стоял когда-то в далекой юности. Только тогда шторы были ярче, трава была зеленее, а у подъезда рос большой куст пионов, которого теперь и вовсе не было.

Неожиданно дверь подъезда отворилась, и вышел Константин Иванович с мусорным ведром. Заметив Серегу, он в начале заметно занервничал, посмотрел наверх, потом сунул руку в карман старых потертых брюк и спешно положил в руку Сереге какую-то бумажку, которую тот немедленно сжал в кулаке.

— Рад был видеть, — похлопал его Константин Иванович по плечу и направился к мусорным контейнерам.

От него пахло ладаном, свечами и тоской.

Серега резко развернулся, вышел со двора и со стеклянными глазами пошел по улице. Лишь спустя два светофора он вспомнил про клочок бумаги, который сжимал в руке. Остановившись, он развернул его — на бумаге карандашом криво и малоразборчиво был написан адрес. Что там ждало — неизвестно, но Серега примерно представлял, где это, и спустился в метро. Путь был неблизким — с двумя пересадками в подземке и потом еще длинным пешим маршрутом, в ходе которого Ветров пару раз уточнял у прохожих как найти нужный адрес.

Наконец он подошел к невзрачному с виду двухэтажному зданию из грязно-серого кирпича и прочитал надпись на табличке у двери: «Государственное казенное учреждение здравоохранения г. Москвы № 4».

— Что это еще за хрень? — пробурчал он себе под нос и еще раз сверился с адресом на бумажке. Всё верно. От здания веяло холодом, и заходить внутрь Сереге совсем не хотелось. Он в очередной раз пожалел, что не купил по пути сигарет, так как курить хотелось нестерпимо. Сергей уже понимал, что за пластиковой дверью этого здания его вряд ли ждет санаторий или хотя бы что-то позитивное.

Тяжело вздохнув, Серега поднялся по ступенькам — их было четыре. Ветров, когда нервничал, всегда начинал считать всё, что можно было посчитать — количество птиц на проводах, число опор освещения, ступеньки, шаги и так далее.

Внутри было довольно уютно, пахло больницей и цветами, играла тихая классическая музыка.

— Бахилы наденьте, — обратилась к Сереге администратор из-за высокой стойки. — Там на входе есть чистые.

Хозяйку голоса он не видел, только черные глаза и низкий лоб, закрытый неаккуратно постриженной прямой челкой. Серега нехотя натянул бахилы и прошел к стойке.

На него смотрела вопросительным взглядом полноватая молодая девушка лет двадцати пяти с круглым лицом, крупным носом и отсутствием любого следа косметики.

— Вы к кому-то? — спросила она спустя несколько секунд.

Серега в этот момент был явно потерян и смотрел вдаль по коридору, где увидел мальчика, сидящего на кресле-каталке и накрытого пледом. Мальчик напоминал скорее механическую куклу, чем человека: его голова без единого следа эмоций была наклонена набок, из-под пледа торчала трубка катетера, а на лице была кислородная маска. Сам баллон был расположен сзади каталки на специальной подставке. Рядом с мальчиком на корточках сидела серая женщина с каменным заплаканным лицом, которая неустанно гладила его по руке. Сереге казалось, что мальчик смотрит прямо на него своим неморгающим и оттого жутким взглядом. Сергею очень хотелось ошибиться адресом, и он еще раз сверился с бумажкой. Нет, всё было верно.

— Молодой человек, — позвала администратор погромче.

— А? — Серегу словно разбудили. Он посмотрел на девушку и прочитал надпись на бейдже, который криво висел на большой груди — Рита.

— У вас какой вопрос? — терпеливо спросила Рита.

— А, да-да. Я ищу кое-кого. Арсеньева Юлия Константиновна у вас?

Рита быстро застучала по клавишам компьютера и через секунду выдала ответ:

— Да. Третья палата.

Серега двинулся было прямо по коридору, не представляя, где эта третья палата, но голос сзади его быстро остановил.

— Куда? — строго спросила Рита. — А записаться?

— Я ее муж, — сказал Серега.

Рита покачала головой.

— Не пущу, — твердо сказала она, но быстро смягчилась. — Я ее сейчас сама позову. Она вас ждет?

— Не думаю, — Серега пытался сглотнуть, но во рту совершенно пересохло. — Можно у вас водички попросить?

— Кулер прямо перед вами, — ответила Рита.

Сергей только сейчас увидел кулер с водой, который был на расстоянии вытянутой руки.

Залпом выпив три стакана с водой, он почувствовал небольшое облегчение, и вместе с тем его накрыла новая тревога. Он, конечно же, сразу догадался, что это хоспис — последнее пристанище для безнадежно больных людей, которые коротают здесь время, которое врачи, психологи, волонтеры и добровольцы стараются сделать как можно более безболезненным и спокойным.

Рита тяжело встала со своего рабочего места.

— Ждите здесь, я сейчас ее позову. — Девушка зашаркала в тапочках по длинному коридору в сторону палат.

Серега уселся на стул у окна и стал ждать, уставившись на свои ноги. Только сейчас он заметил, что, надевая бахилы в спешке и на нервах, порвал их в нескольких местах.

— Сережа? — раздался тихий голос сверху.

Сергей поднял глаза и не узнал человека, который стоял прямо перед ним. Да и человек ли это был, скорее тень человека, может даже мираж.

— Давно освободился? — голос был знакомый. Юля.

— Вчера, — выдавил из себя Сергей.

Он не узнал свою жену, из которой словно высосали все соки. Теперь это был скелет, обтянутый больничным халатом. На голом черепе была косынка с уточками, а под глазами большие темные пятна.

Юля присела на соседний стул и взяла Серегу за руку. Некоторое время они сидели молча.

— Вот так как-то, — сказала Юля, отвечая на немой вопрос Сереги.

— Как давно? — спросил Серега. Желание курить утроилось, а во рту снова пересохло, но идти к кулеру за водой он не хотел, как и отпускать эту родную, но такую теперь холодную руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.